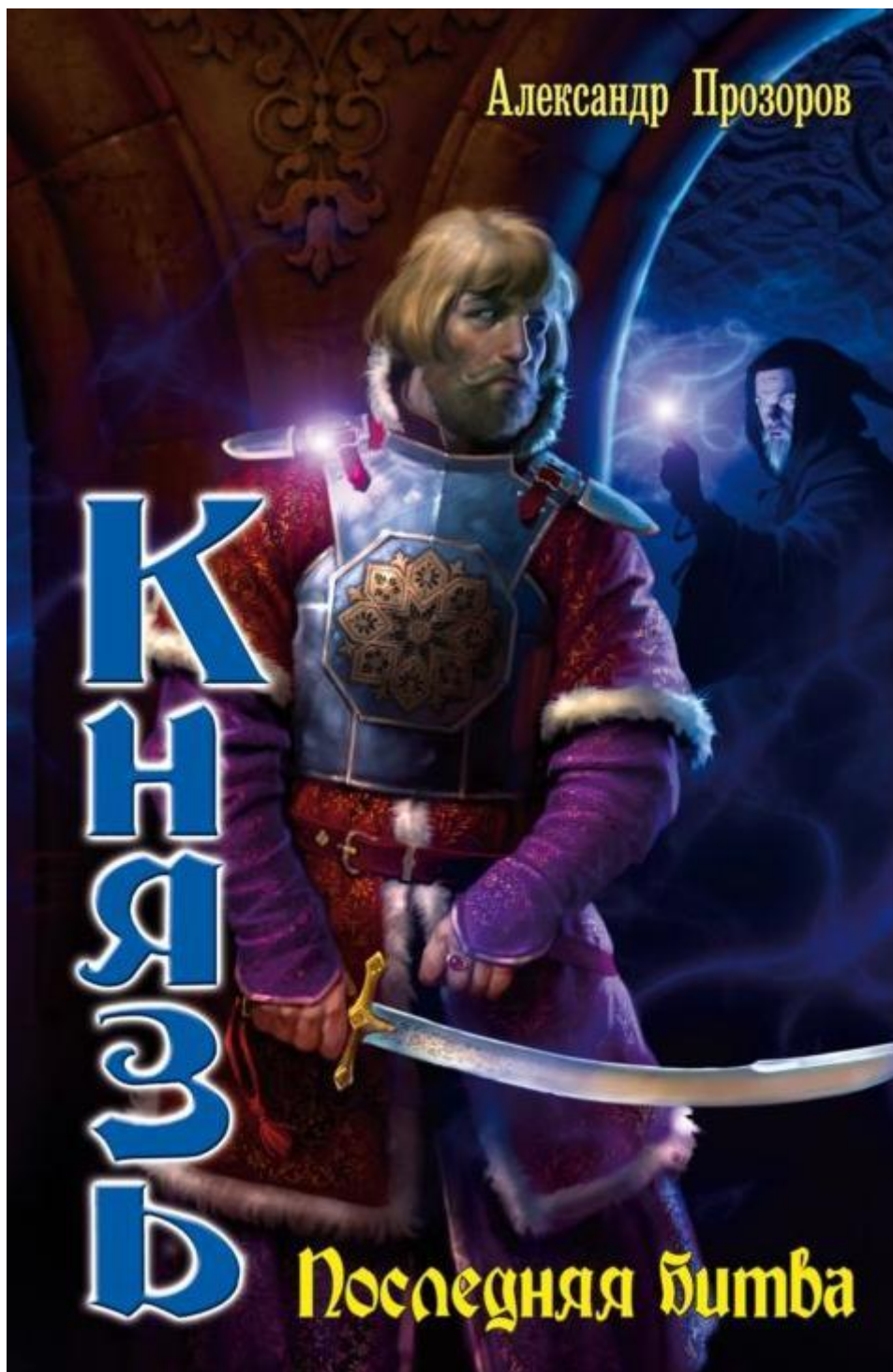

Александр Прозоров

К н я з ь

Последняя битва

Александр Дмитриевич Прозоров
Последняя битва
Серия «Князь», книга 10

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6245100
Последняя битва: Лениградское издательство; СПб.: 2011
ISBN 978-5-9942-0762-8*

Аннотация

Темное облако колдовства, насылаемого магрибскими колдунами и арабскими суфиями, принесли на Святую Русь неурожай и мор. В июне на пашни сыплется снег, в северных волостях буйствует чума, в южных – холера. И в это самое время Стефан Баторий, османский раб, назначенный султаном на трон Польши, нападает на Русь. Чтобы спасти державу, князю Сакульскому придется одному сразиться и с магами, и с бесчисленными наемниками, собранными в польское войско. В ослабленной бедами стране помощи ему не найти.

Содержание

Пролог	4
Чудотворец	11
Гранд Альба Карл Фердинанд Игулада-де-Кераль	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Прозоров

Последняя битва

Пролог

К острову лодка подошла поздно вечером со стороны открытой Ладоги. Князь Сакульский не хотел, чтобы его заметили послушники, и ради этого не поленился сделать крюк в несколько верст по темным высоким волнам. Четкий черный отпечаток креста на светлом небе подсказывал гостям путь: где-то за ним, под Змеиной горой, находилось древнее святилище, к которому и стремился ученик древнего волхва.

– Странное название для святого острова: Змеиная гора, – пробормотал Зверев. Андрей знал, что ползучих тварей на этом участке земли нет ни одной. Любимицы Чернобога, они не выносили близости к алтарю всемогущего Велеса, магической силой мало уступающего самому Сварогу.

Дубовый киль зашуршал по песку, заставив путников качнуться вперед. Корабельщики, одернув ветровки, принялись торопливо сматывать парус. Князь Андрей Сакульский широко перекрестился на далекий купол Казанского Скита, первым перемахнул через борт и кивнул холопам, тихо приказав:

– Несите.

Под присмотром Ильи шестеро служивых, удерживая за края дерюгу с лежащим на ней Пахомом, перебрались на узкий пляжик под обрывом. Андрей, показывая дорогу, прошел где-то с полсотни саженой вдоль берега до низины, свернул влево, пересек недавно скошенный монахами лужок и уверенно нырнул в прозрачный, терпко пахнущий смолой, сосновый бор. Дороги он не знал – тем более от случайного места, к которому вынесло десятивесельный струг. Но он чувствовал его – он чувствовал древний алтарь, как весенние грачи чуют дорогу к родному гнезду, как выброшенный из воды угорь тянется к живительной влаге. Да и само святилище, рядом с которым впервые за долгие века появился посвященный, звало его бесшумной жаждой, пробуждаясь от сна.

День закончился. Но здесь, на ровном песчанике, лишь слегка присыпанном хвоей, в пронизанном бледным светом полной луны редколесье, путников это ничуть не смущало. Провалиться тут в звериную нору или не заметить упавшего дерева, налететь на низкий сук или забрести в колючий кустарник было совершенно невозможно.

Наконец в лицо дохнуло влажностью, между соснами как-то сразу появилось множество елей, и за этой стеной открылся камень – холодный, белесый и громадный, как амбар жадного новгородского купца.

– Он, никак, светится? – изумленно шепнул кто-то из холопов.

– Это луна бликует, – пресек подозрения князь. – Кладите здесь, возвращайтесь на струг. На рассвете вернусь, пока отдыхайте. Костра токмо не разводите, монахи на такую вольность серчают сильно.

– Как скажешь, княже, – коротко, с достоинством поклонившись, за всех ответил Илья. – Понадобимся – крикни громче, вмиг примчимся.

– И не думай, – покачал головой Зверев. – Это святой остров, тут с честным человеком плохого случиться не может. Коли кто и закричит, так скорее это настоятель послушников на молебен сзывать станет. Так что нечего пугать отшельников, тихо себя ведите. Выстави охранение для порядка, да спать ложитесь. Все, ступай.

Андрей присел рядом с дядькой, поправил овчину, в которую тот был завернут, поправил раненому голову. Уже почти год, как Пахом, закрыв собой его сына, получил резаную

рану чуть ниже затылка. По уму – ничего, кроме мягких тканей, татарский меч не порезал, и очень скоро старый служака должен был подняться на ноги... Но нет. Кожа на шее зарубцевалась, однако голову холоп не держал, заваливалась она из стороны в сторону, словно держалась на тонкой ниточке. Пахом не мог встать, часто терял сознание, с трудом владел руками, не попадая даже ложкой в рот, а уж про ноги – и говорить не стоило. Дядька умирал. И для князя Сакульского это было чуть ли не страшнее, чем расставание с отцом. Ведь отец, пусть и родная кровь здешнему Андрею, виделся с сыном лишь временами, когда на службе не был занят, да когда хлопот в имении не случалось. Растил же барчука Пахом, не расставаясь с ним почитай что ни на день, обучая и грамоте, и ратному делу, закрывая собою в кровавых стычках и хлопоча с обыденными заботами в мирную пору. Потерять верного холопа для Зверева было равно как руки лишиться или даже половины тела. Такого он себе и представить не мог.

Дождавшись, пока слуги скроются в лунных сумерках, князь выпрямился, обошел гигантский камень, формой своей удивительно похожий на конскую голову. Насколько он помнил, сию игрушку скотий бог Велес отобрал давным-давно, много веков назад, у полуночного демона – на валуне даже остался след когтистой пятипалой лапы чудовища, что пыталось камень удержать. Именно, там, под следом лапы, волхвы и возносили свои молитвы великому богу, в почитание одной из его побед приурочивая самые торжественные службы к полуночи – часу Велесова торжества. И уж конечно, самые главные празднества случались в час полнолуния – ибо полнолуние издревле является часом перемен, когда многие, многие силы мира достигают пика своего развития и начинают слабеть, как бы отдыхая, съезживаясь вместе с ночным светилом, уменьшаясь, почти впадая в спячку – чтобы воспрянуть снова в час новолуния.

След демонской лапы нашелся очень быстро – размером с половину сажени, он глубоко впечатался в камень чуть выше княжеского роста со стороны, противоположной лошадиному «носу». Андрей кивнул, подтянул дерюгу с раненым дядькой ближе, еще раз поправил голову холопа и обнажил косарь. Для обряда волхования не имеет значения, чем нанесены линии – краской, мелом, кровью или же просто проведены железом по земле. Главное – чтобы фигуры исполнены были правильно, и руны поставлены верные, в правильных местах.

Древнее святилище, уже забывшее звучание голосов мудрых волхвов, забывшее запах благовоний и тепло жертвенных подношений, забывшее слова молитв, звуки ритуальных танцев и хвалебных песен – вновь оказавшись в центре священной пентаграммы, задышало, зашептало непонятные древние слова, мертвенно засветилось белыми неровными бликами, перемещающимися по траве, деревьям и камню, меняющими очертания, сплетающимися в причудливые формы и снова рвущимися на части.

Князь поднял глаза к небу, определяя время, потянулся к заплочному мешку, достал деревянную миску, что самолично вырезал из липы, коротая время в постоянных дворах. Пусть и неказистая – но зато без посторонних благословений, чистая, всю судьбу которой он знал от начала и до конца. Проверил пробки на двух бурдюках, опять поднял глаза к небу. Луна, по его мнению, уже поднялась достаточно высоко, чтобы знаменовать наступление полуночи.

Князь поднял чашу, поклонился на четыре стороны:

– В твой дом вхожу, великий Велес, с чистой душой, уважительным словом, доброй мыслью, искренним подношением. Прими мой дар скромный, повелитель всего живого, услышь мое слово, ответь моей молитве... – Князь Сакульский открыл теплый бурдючок, перехватил его за дно и до краев наполнил чашу еще совсем свежей кровью.

Андрей знал, что по обычаю жертвоприношение желательно начинать у алтаря, а не производить его за тридевять земель. Однако помнил ученик старого волхва и то, что рус-

ские боги не принимают в качестве подношения чью-то жизнь. Им не нужны человеческие души, они не наслаждаются видом смерти, муками обреченного существа. Они принимают от волхвов угощение, а не зрелище, и скорее удовольствуются искренне подаренным букетом цветов, нежели согласятся на жертву невинного первенца. Хотя, разумеется, как и всякий нормальный человек, листику салата предпочтут сочный и толстый бифштекс. Тем более – Велес. Скотий бог не Полель, его букетиками не уважишь. Кровь любит. Но проще привезти кровь с собой, чем тащить на небольшом струге брыкающегося увечного мерина.

Зверев поднял чашу, поднося ее к следу лапы на камне, чуть наклонил, роняя на землю драгоценные капли. Ему был нужен знак. Знак того, что его услышали, что обряд проводится правильно и древний бог богатства и жизни слышит его.

На миг показалось, что камень испуганно содрогнулся, дохнул мертвенным холодом, потянувшись вперед. Резко и неожиданно, до кашля, до рези в легких запахло едкой, старой, перегорелой золой, зашипела земля, впитывая подношение. Святилище, уже больше двух веков не знавшее языческих обрядов, готово было простить новоявленному жрецу любые ошибки в волховских правилах, лишь бы опять, пусть хоть ненадолго, возродиться к былой жизни, силе, славе.

Но это было не то. Намоленное сотнями поколений славян капище уже давно жило своей, независимой жизнью, имело свою душу, свою волю, свою силу. Андрей же желал достучаться до бога, добиться его воли в возвращении сил раненому холопу.

Чаша снова наклонилась, скупно проливая темную жидкость на след демона, заставляя его пульсировать и чернеть, пропитываясь лошадиной кровью.

– В твой дом вхожу, великий Велес, с чистой душой, уважительным словом, доброй мыслью, искренним подношением. Прими мой дар скромный, повелитель всего живого, услышь мое слово, ответь моей молитве, – терпеливо повторил Андрей.

Воздух задрожал, словно над самой головой бесшумно прошел тяжелый грузовой вертолет. Начертанный окрест камня круг вдруг стал хорошо виден вместе со вписанной в него пентаграммой, на остриях звезды выросли темные фигуры призванных рунами существ – крупных и мохнатых, как медведи; четверолапых с крыльями за спиной, похожих на грифона; низких плечистых и рукастых, как лешие; грудастых птиц, пугающе напоминающих чаровницу Сирий. Это не была свита Велеса – только лишь тени, слабое подобие могучих древних духов. И совсем не страшным на их фоне показался ворон, что опустился на самую макушку камня и многозначительно кашлянул, чуть повернув голову и глядя на гостя сверху вниз. Птица была столь черна, что хорошо различалась даже на фоне ночного неба, глаза же ее и вовсе казались провалом в потустороннюю бездну.

– Великому Велесу мое уважение... – Вызубренные слова древних заговоров неожиданно начисто вылетели из головы Зверева, и он просто склонился перед ночным вестником, опустошая свою чашу: – Прими мой искренний дар и снизойди к просьбе моей о помощи...

Кровь заструилась по камню, наполнила линии рисунка, коснулась земли, ненадолго превратив тени Велесовых слуг в сочные и яркие образы. Однако ученику Лютобора было сейчас не до них. Он торопливо выдернул из мешка второй бурдюк, снова наполнил чашу старательно приготовленным зельем из густого терпкого ежевичного вина, сдобренного настоем из девясила, болиголова и сон-травы с пастушьей сумкой, заговоренного на перекрестье четырех дорог. Здесь было и седьмое яйцо белой несущки, и клык матерого волка, и лунная вода, и росинка плакучей ивы. Андрей сделал для дядьки все, что только было в его сила, испробовал все средства, о которых только успел узнать от старого чародея. И теперь оставалось только одно: дать зелью силу благословением древнего хозяина жизни.

– Сделай милость, великий Велес.! – Князь отбросил бурдюк и с поклоном поднял чашу двумя руками. – Снизойди к смертным, великий бог, раздели с нами братчину хмель-

ного вина. Будь братом нашим на этом скромном пиру. Почти родичей своих по свароговой крови. Признай родство наше в служении земле русской.

Ворон, словно в раздумье, затоптался на макушке Конь-камня, приоткрыл и снова закрыл свой клюв. Случись это днем – Зверев подумал бы, что птица ожидает, пока, наконец, люди уйдут прочь, чтобы насладиться вкусом пролитой крови. Но над святым островом царствовала ночь – а ночью обычные птицы не покидают своих укрытий.

Андрей опустил на колено, приподнял Пахому голову, поднес чашу к его губам, дал просочиться в рот несколькими каплями, потом отпил немного сам и поднял чашу вверх. Ворон каркнул и затоптался. Склонил голову набок, вглядываясь просителю в самую душу.

Зверев знал, что ведет себя по языческому канону невероятно нагло. Нагло до несказанности. Предложить богу признать себя равным ему – за такое ведь во гневе и испепелить могут враз высшие силы. Или превратить в труху, в вечный полуживой лишайник, дабы знал свое место. Но с другой стороны – если Велес признает Пахому равным, если осушит с ним общую братчину, то от раненого должны отступить все недуги и боли, немощь и слабость. Ибо равный богу не может быть – не способен оказаться слабым и больным. Воля Велеса – сильнее любой лихоманки. Если он захочет – все болезни уйдут, все раны исцелятся.

Прочие способы лечения своего воспитателя Зверев уже испробовал, и без особого успеха.

Ворон топтался на камне, то отворачиваясь, то вытягивая шею и поглядывая вниз, словно колеблясь: карать или миловать? Заслужили смертные деяниями своими право разделить с ним трапезу, или зазнались безмерно и нуждаются в наказании?

– Ну же, Велес... – нервно пробормотал Зверев. – Разве мы с тобой не из одного рода внуков Свароговых? Разве не на одной земле живем, разве не за общую отчину у нас сердце болит? За землю русскую кровь он свою пролил. Не за злато, не за славу, не из страха перед волей моей. За Русь святую живота не жалел. Нечто не прощает кровь, им пролитая, тех прегрешений, что у любого из нас найдутся? Дай ему еще хоть несколько лет достойной жизни, Велес. Раздели с ним чашу братскую. Дай ей свое благословение, верни ему силу в жилы и саблю в руки. Не ради жалости, ради земли и рода нашего, дабы снова мог он грудью свободу русскую защищать, да чужаков подлых, что с законами чужими к нам идут, в землю нашу навек и дальше укладывать.

Ворон каркнул, упал с камня вниз, лишь на краткий миг расправив крылья, сел на край чаши, неожиданно оказавшись совершенно невесомым, клюнул вино, вскинул голову, проглатывая угощение, слетел дальше вниз.

– Получилось! – обожгло радостью Андрея. – Мы разделили братчину с Велесом!

Он торопливо присел к дядьке, поднял его голову, поднес чашу к губам. Несколько скупых капель перекатились через край – и холоп вздохнул. Ворон оглушительно каркнул совсем рядом – оказывается, он успел подобраться к самой подстилке и стоял рядом с ногой князя. Зверев опустил чашу, давая ему возможность плотнуть его, но ворон мотнул головой, недовольно отступил, чуть расставил крылья и пригнулся, словно собираясь взлететь. Требоваательно каркнул.

– Ах да, – сообразил Зверев. – Братчину положено пускать по кругу...

Он опять поднес миску к губам, сделал пару глотков, опустил. Ворон быстро и резко клюнул вино и тут же взлетел, описал над конь-камнем четыре круга и скользнул в северную сторону. Тут же все вокруг изменилось: зашелестела под слабым ветерком листва осин, что росли вдалеке за тропинкой, пахло свежестью и травой. Пентаграмма бесследно исчезла вместе со свитой скотьего бога, снова мертвенно застыл громадный валун с отпечатком когтистой лапы – чистый, серый, без единого следа пролитой на него крови.

– Зря стараешься, княже... – устало простонал Пахом. – Видать, стар я уже стал. Не зарастает шкура-то. Пришло время о душе думать, а не о походах. Уж прости, но ты теперь как-нибудь сам.

– Да? – Зверев, изумленно глядя на совершенно пустую миску, пропустил его слова мимо ушей. – Куда же вино-то все делось? Вроде как не проливал.

И тут миска внезапно вспыхнула прямо в его пальцах. От неожиданности князь вскрикнул, отбросив ее прочь.

– Что случилось? – вскинулся и Пахом.

Андрей оглянулся на него, и тут же забыл про свою неказистую поделку, догорающую меж мшистых кочек: встревоженный дядька приподнялся на локте и осматривался с той знакомой цепкостью во взоре, что всегда отличала его в дальних ратных походах.

– Ничего не случилось, – ответил он. – Хватит валяться, простудишься. К стругу пошли. Домой пора возврататься.

По иронии судьбы, именно в эту ночь и в этот самый час в тысячах верст от святого острова Коневец, в далеких горах Трансильвании два десятка невольников как раз закончили расчищать вход в пещеру, доселе скрытую густыми зарослями боярышника, заложенную валунами и обозначенную двумя волчьими черепами, вмурованными в старую, замшелую стену. Под присмотром нескольких янычар в дорогих шелковых халатах рабы выбивали кирками раствор, раскачивали валуны, откатывали их в сторону. Когда проход оказался достаточным для прохода одного человека, плеча десятника коснулся скромный худощавый старец, одетый лишь во власяницу, потертую феску и деревянные туфли.

Янычар почтительно поклонился, хлопнул в ладони:

– Прочь! Пошли прочь, гяуры!

Не дожидаясь повторения, невольники подхватили кирки и поспешили по тропе вверх по склону. Старец же, чья одежда выдавала в нем суфия, поддернул полы власяницы, наклонился и бодро нырнул в темную дыру.

– Факел! – спохватился десятник. – Афанди, отнеси ему факел!

Янычар, получивший приказ, полез в складки широкого атласного пояса, достал кожаный кисет, вытряхнул огниво, слегка размял трут, высек искру, привычно раздул, подsunул пучок сухой травы, подул сильнее, а когда растопка занялась, торопливо выдернул из приготовленной охалки факел, наложил его сверху. Пахнуло горелой шерстью и прогорклым жиром. Воин поднял разгорающийся факел, одной рукой неуклюже запихнул огниво в кисет, зубами затянул узел, спрятал его в пояс. Факел чадил и потрескивал, но языки пламени становились все выше и выше. Прочие янычары стали разбирать остальные факелы, зажигая их от первого. Десятник, нахмурясь, кивнул в сторону пролома. Воин по прозвищу Афанди, поправив рукоять ятагана, шагнул туда – но тут суфий выглянул наружу и уверенно кивнул:

– Это она. Ведите сюда девственниц.

– Слушаю, шейх Саид, – поклонился ему десятник.

– А, факел, – прищурился на весело скачущее пламя суфий. – Это хорошо. Идите со мной.

Янычары переглянулись, но перечить не рискнули и один за другим стали пробираться в узкий проем. Стоило первому факелу оказаться внутри – как вперед с громким треском покатила огненная волна. Испуганные воины тут же шарахнулись назад, шепотом взывая к милости Аллаха – но это была всего лишь густая паутина, тут и там свисающая с потолка длинными седыми гроздьями, облепленная пылью и невесомыми летучими семенами одуванчиков, кленов и тополей.

– Сюда, – пальцем поманил их суфий, словно и не заметивший огненной волны. – Отодвиньте эти камни.

– Я позову невольников, – предложил Афанди, водя факелом из стороны в сторону. Время от времени огонь касался еще уцелевших паутинных гроздей, и те короткой вспышкой превращались в пепел.

– Нет. Гяурам не нужно этого видеть, – возразил шейх.

– Они никому не расскажут, – осклабился воин.

– Расскажут, – покачал головой суфий. – Мертвые куда хуже хранят тайны, если умеешь правильно спрашивать. Тот, кто догадается, о чем спросить, наверняка умеет задавать вопросы даже мертвым. Двигайте камни, если не хотите узнать тяжесть султанского гнева.

Янычары недовольно поморщились, но и теперь послушаться не посмели и один за другим оттолкнули три крупных валуна из центра пещеры к ее краю. Снизу открылась гранитная плита со сбитыми буквами, утопленная на глубину примерно в три пальца.

– Нам ее не выковырять, – покачал головой янычар, проведя факелом вдоль края. – В эту щель даже нож просунуть невозможно.

– Эту дверь я открою сам, – кивнул суфий. – Ступайте, вы и так увидели слишком много.

Воины обрадованно ринулись к выходу, забыв оставить старцу хоть один факел. Впрочем, тот ничуть не обеспокоился наступившей темнотой. Он даже прикрыл глаза и о чем-то заунывно запел, слегка разведя руки и вращаясь возле странной плиты, медленно переступая ногами. В тихом шелестящем танце прошло несколько минут, прежде чем снаружи послышался шум, решительные окрики. Вскоре через пролом внутрь протиснулась упитанная девушка, одетая в длинные юбки и кофту, цвет которой в сумерках было не различить. Следом стал забираться и десятник янычарской стражи, но шейх, не останавливая вращения, легко скользнул к нему, тихо скомандовал:

– Жди снаружи, – а пламя факела погасло, словно задутая свеча.

Воин не заставил себя уговаривать – тут же попятился, пару раз громко чихнул. Девушка ощутимо вздрогнула от резкого звука, тихонько заскулила.

– Не бойся, – ласково коснулся ее руки старец. – Тебе ничего не угрожает. Иди сюда. Осторожнее, не оступись. Еще шаг, – провел он невольницу через темную пещеру к плите. – Наклонись и постарайся удержать равновесие...

Мягким стремительным движением суфий коснулся ее горла. Девушка захрипела, вниз хлынул поток крови, заливая плиту от края и до края. Старец нежно обнял ее за талию, не давая упасть, и опустил к камням только тогда, когда из вен упали вниз последние тягучие капли. Плита тем временем начала медленно проседать вниз, потом вдруг задрожала, чуть подпрыгнула, резко сдвинулась в сторону. Из ямы – неуклюже, пошатываясь – поднялся широкоплечий человек, встряхнулся, прокашлялся, вытянул руку в сторону старца:

– Имя! Отдай ее имя!

– Тебе не нужно его знать, Черный Иблис, – покачал головой суфий. – В час нового полнолуния, когда эта кровь отравится смрадом и станет бесполезна твоему телу, я приведу тебе новую девственницу, чистую и непорочную. И призову старую кровь наружу.

– Имя! Отдай имя! – снова потребовал иблис, с силой сжимая пальцы в кулак.

– Твоя сила велика, Черный Иблис. – Суфий вскинул левую руку, пошевелил пальцами, и в них вдруг возникли холодные нефритовые четки. – Именно потому великий султан и решил поднять тебя из небытия и призвать на службу. Против твоей воли не способен устоять ни один смертный. Посему ты станешь повелевать, купаться в роскоши и наслаждениях, развлекаться своим любимым зрелищем. Но при этом ты не должен забывать, кому ты служишь, и неукоснительно исполнять волю великого султана.

– Имя! – повысил хриплый голос иблис.

– Твоя сила велика, Черный Иблис, – улыбнулся суфий, – но она ничто пред волей преданного слуги Аллаха, очистившего плоть и мысли, постигшего милость Всевышнего

и познавшего тайны демонов. В твоём теле течёт чужая кровь, Черный Иблис, и только я знаю её имя.

– Я раздавлю тебя, как насекомое, жалкий смертный! – снова сжалась в кулак рука восставшего из ямы существа.

– Тогда некому будет позвать твою кровь, когда наступит день полнолуния, Черный Иблис, – невозмутимо защёлкал четками старец. – Она останется в твоём теле и отравит тебя гнилью. Лишь я один знаю, как вызвать старую кровь и сменить её свежей. Ты можешь убить меня. Но тогда мы умрём вместе. Хочешь остаться в мире живых – дай клятву верности султану. Служи ему честно, и тогда каждый месяц я буду приводить к тебе свежую кровь.

– Ты хочешь сделать Черного Иблиса своим рабом, жалкая таракашка? – зарычало существо.

– Я уже сделал это, – ничуть не дрогнул суфий. – Но у тебя будет достойная цель и великая власть, которой позавидует половина мира. Тебе не стоит бояться позора. Твою тайну знаю я один – величие же увидят все.

– До нового полнолуния ещё много дней. Я успею раздавить тебя, погулять вдосталь и умереть свободным.

– Ты насладишься свободой в полной мере и останешься жив, если принесёшь клятву верности, – ответил старец.

– Твои слова слишком заманчивы, чтобы быть правдой, – наконец опустил руку Черный Иблис. – Я не верю тебе, смертный.

– Я оживил тебя. Разве может быть что-то хуже могильной ямы?

– Позор хуже небытия, – твердо ответил иблис. – Лучше быть мертвым, чем оказаться обманутым слугой смертных.

– Загляни в мои глаза. Разве ты не способен распознать обман? Великому султану нужен союзник. Сильный, как ты, и верный, как...

– Как собака на коротком поводке, – закончил вместо него Черный Иблис. – Хорошо, смертный, я поверю твоему слову. Но едва настанет день полнолуния, я подниму свою сестру. Она станет следить за мной и тобой, смертный. И если ты предашь свою клятву, она придет на мою могилу и напоит меня свежей кровью. После этого я снова встану, смертный. Я встаю уже не первый раз. Я встану, и буду помнить только о мести. И она будет страшна.

– Пока ты будешь верен султану, тебе не о чем беспокоиться, – улыбнулся суфий. Угрозы иблиса не произвели на него особого впечатления. – Идем, тебя ждет новое имя, горячая вода и мягкая постель.

Чудотворец

– Мне удалось это, Лютобор! – довольно похвастался Зверев стоящему над речным обрывом волхву. – Я исцелил Пахома! Он ныне здоров, весел, ест за четверых, дрова все в усадьбе переколол, один троих холопов гоняет, за девками, ровно юнец, ухлестывает. Крепок и силен пуще прежнего!

– Вот как? – покосился на него чародей, залитый ослепительным рассветным солнцем. – Ты оказался более умелым учеником, нежели я ожидал. Нашел лекарство, о котором не слышал даже я. Что это за зелье?

– Я нашел святилище Велеса, вызвал его и предложил испытать братчину.

– Я ошибся, – все тем же спокойным тоном произнес волхв. – Ты не умнее, а куда глупее, чем я думал. Ты хотя бы жив?

– Конечно, – пожал плечами Андрей. – Он согласился. Сделал два глотка. И мы с Пахомом тоже. А потом чаша иссушилась и сгорела.

– Велес сделал это, чтобы к напитку не прикоснулся кто-то еще, – пояснил волхв. – Значит, ты тоже вкусил это зелье?

– Это же была братчина! Ее положено пить всем, по кругу.

– Ну, ты-то ладно, ты совершил эту глупость по своей воле и своему недомыслию. Но твой слуга – он хоть немного понимает, чем ты его наградил?

– А чем я его наградил? – насторожился Зверев. – Я вернул ему жизнь. И он теперь здоров. Разве этот обряд не исцеляет смертных от любой болезни?

– Исцеляет, – согласно кивнул волхв. – Стать побратимом бога – это великая честь и благословение. Велес признал ваше равенство себе и тем проявил свою волю. Наградил тем самым равенством, что вы искали. Теперь вы не будете болеть. Ведь боги не болеют.

– Ты хочешь сказать, мы стали богами? – не без замешательства переспросил Андрей.

– Чтобы стать богом, мало иметь здоровье, – улыбнулся Лютобор. – Когда твоей воле станут подчиняться звери, птицы и растения, когда твоего взгляда станут опасаться грозы и камни, когда твое знание превысит круг возможных тайн мироздания, а разум сможет превращать это знание в земные деяния, – только тогда смертные начнут ставить алтари в твою честь, воскуривать для тебя благовония и просить о милостях. Пока же, чадо, ты просто здоровущий балбес. Чурка деревянная. Чурка, она ведь тоже не болеет. Стоит крепкая и сухая, и на здоровье свое не нарадуется.

– Но ведь я смог его вылечить! – возмутился Андрей. – Я хотел исцелить Пахома, и я это сделал! Что же ты меня так честишь, колдун?

В этот раз Лютобор на «колдуна» не обиделся, ровно не заметил. Оперся на высокий посох обеими руками, положил на них подбородок, поджал губы:

– Видать, пришла пора зарок свой исполнять. Слово произнесено и вернуть его не сможет ни топор, ни снадобья, ни уговоры. Молитва вознеслась, и Велес сделал свой новый выбор. Пора...

– Ты о чем? – забеспокоился Андрей, но тут образ старого чародея распался, разлетелся в клочья, исчез вместе с ярким тихим рассветом, и вместо него на Зверева обрушилась ярая воронья стая. Отбиваясь, он в отчаянии замахал руками и... проснулся.

Бревенчатый потолок, жаркая перина, небольшое наборное окошко возле изголовья, образ Николая-Угодника по левую руку, с Полининой стороны. Это означало, что в этот раз он находится дома, в своей усадьбе, в своем дворце, в своем княжестве. Князь Сакульский, как и всякий служилый боярин, просыпался в своей постели настолько редко, что каждый раз это казалось ему маленьким чудом. Андрей потянулся, опустил ноги на пол, нащупал тапки,

подошел к окну, выглянул. По ту сторону стекол качались в сумерках какие-то невнятные тени. То ли ночь светлая, то ли утро хмурое – поди, разберись.

С тихим шипением на густо смазанных салом подпятниках провернулась дверь, внутрь заглянул Пахом:

– Никак встал, княже? То-то, слышу, шаги наверху.

Зверев только улыбнулся наивной хитрости холопа: в то время, когда дядька вышел из людской, он еще дрых без задних ног.

– А тебе чего не спится, дядька?

– На утренью собираюсь, княже. Ты как, пойдешь на службу?

После чудесного избавления от раны Пахом очень сильно беспокоился о спасении своей души и стал куда как набожнее прежнего, надеясь отмолить грех невольного участия в волховании. Андрей подозревал, что старый вояка даже покался в том на исповеди – уж очень сумрачно поглядывал на князя отец Ион, сменивший недавно прежнего, почившего батюшку в деревенской церкви.

– Пойду, – кивнул Зверев. Ложиться обратно в постель смысла больше не имело. Лютобор уже проснулся и вновь встретиться с волхвом для разговора не получится. Да и мысли тревожные почивать спокойно не дадут. – Конечно, пойду. Вели ферязь красную подать. Ту, что без шитья золотого. В храме меня пусть лучше скромность украшает.

Андрей помнил про зарок старого мудрого волхва. Лютобор намеревался уйти из жизни, дабы не видеть гибели рода русского, земли святой, всего того древнего мира, частью которого он был. Событие сие по пророчеству предполагалось на ближайшие годы, когда на Русь разом обрушатся с трех сторон орды османские, польские и казанские. Страшное было пророчество, угрожающее... Но с того часа, когда услышал его совсем еще юный барчук, минуло четверть века. За это время – не без стараний Андрея, спасшего ненавистного своевольным боярам царя Иоанна и старательно подталкивающего его в принятии решений, – ханство Казанское стало частью Великой Руси, и татары его храбро сражались в русских ратях, Османская Империя жестоко умылась кровью в жестокой многодневной битве у Молодей. И даже Польша, увидев неодолимую мощь восточного соседа, не просто присмирела – она призвала русского государя Иоанна на свой престол¹, освободившийся после смерти Сигизмунда Августа, случившейся на удивление как раз перед эпической битвой двух сильнейших государств мира. И хотя польская знать пыталась вместо прославленного «покорителя ханств» протащить на трон малоизвестного французского принца Генриха Анжуйского, князь Сакульский не сомневался, что магнатам придется уступить мнению худородной, но многочисленной шляхты².

Теперь, когда Руси больше уже ничто не угрожало, зарок мудрого волхва потерял всякий смысл – но вот поди же ты, не забыл про него чародей, продолжают посещать Лютобора давнишние нехорошие мысли.

С мыслями о своем учителе и простоял Андрей Зверев всю службу в отстроенной на проклятом когда-то холме бревенчатой церквушке, пропустив мимо ушей всю службу, лишь крестясь машинально и кланяясь в те моменты, когда так поступали все вокруг. Он даже не сразу заметил, что отец Ион вдруг решил дополнить службу горячей проповедью, пересказывая и без того известную всем беду с очередным неурожаем, обрушившимся на Русь и не миновавшим его княжество.

¹ Это не метафора. Почти сразу после смерти Сигизмунда (и победы в битве при Молодах) призыв Иоанну на Польское царствие привез в Москву официальный посол от сената Речи Посполитой Федор Воропай.

² Помимо Ивана Грозного и Генриха Анжуйского, на польский престол выдвигались император Священной Римской империи Максимилиан, его сын Эрнест, сын Ивана IV Федор и шведский король Юхан III. Однако французский принц и русский царь считались «фаворитами» предстоящих выборов.

– Господь кару на нас обрушил, люди православные, хлеба нас лишает насущного, знак о недовольстве своем подает...

Это было правдой. Ни рожь, ни тем более пшеница год за годом не желали вызревать в его владениях: вымерзали из-за слишком поздних и слишком ранних холодов, урезавших и без того не жаркое лето всего до пары месяцев в году. Смерды перебивались с брюквы на репу, да с капусты на гречку. Ну и, словно в насмешку, в теплых ямах, выстеленных навозом и прикрываемых на ночь рогожами, на редкость щедро уродились огурцы. До них ночные заморозки, убивавшие хлеб, не добирались. Днем же солнце сияло, словно на южном курорте – и огурцы перли, как опять на перегнившем березовом пне.

– ...отвернулся Вседержитель небесный от земли русской, на коей многие забыли о жертве его, вновь идолам поганым кланяться начали, волхование вспомнили, веру истинную отринули... – продолжал горячее обличение батюшка, и Андрей начал понимать, в чей адрес бросает он свои намеки.

– Истинно так, братья! – громко и решительно прервал он попику. – Лишения Господь посылает нам для испытания твердости веры нашей и готовности следовать заветам его не токмо в час сытости, но и в дни бедствований. Учил нас сын Божий возлюбить ближнего своего, как самого себя, не только о своем брюхе думать, но и о том, чтобы единоведец твой не голодал. Посему, следуя завету сему, объявляю: всем смердам, у кого недоимки в казну мою из-за неурожая случились, недоимки сии прощаю полностью! Тех же, за кем недоимок не числится, от оброков всех на сей год освобождаю! Пусть лучше амбары мои пустыми останутся, но дети в домах православных сыты зимой этой будут!

Смерды от такого известия громко ахнул. Ближние кинулись целовать князю руки, дальние, прослезившись, крестились и читали молитвы. Облегчение от такой щедрости должна была испытать каждая семья, что обитала в княжестве, каждый дом и двор. И очень многих она избавляла от нужды запекать по весне горькую лебеду, корни лопухов и листья одуванчиков.

– Восславим князя нашего православного! – радостно провозгласил Пахом. – Помогимся за здоровье его и долгие лета!

Батюшка на глазах скис, но, пусть и понурившись, молитву за княжеское здоровье вознес вместе со всеми прихожанами, хорошо поставленным голосом подсказывая правильные для такого случая слова. Закончив же, первым подошел к Андрею.

– Деяние твое мудрое и доброе, княже, – похвалил он Зверева, – однако же к исповеди ты уже третью неделю не подходишь.

– Да как-то нет в душе моей такой потребности, батюшка, – развел руками князь. – Я ведь намерен с Пахомом обитель Рождество-Богородицкую посетил на святом острове Коневце. В храме, самым преподобным Арсением поставленном, Господу нашему молитвы искренние вознес, там же образ святого Николая получил, в монастыре освященный, и с собой привез. На душе моей после сего паломничества тихо и благодатно стало. Не вижу как бы, в чем каяться...

Самым приятным во всей этой истории было то, что она являлась правдой от первого до последнего слова. После обряда у Конь-камня, когда князь с Пахомом вышли к берегу, то вместо струга они обнаружили лишь многометровые волны, яростно штурмующие обрыв. Догадавшись, что спастись от шторма корабельщики могли лишь с подветренной стороны, Андрей повернул к монастырю, в тихой бухте у которого и нашел своих холопов. А раз уж все равно они оказались в обители – то все вместе и службу в храме отстояли. Языческая душа ученика чародея не имела ничего против того, чтобы вознести молитву распятому богу. Ведь богов – много, и отказывать кому-то из них во внимании неправильно. Еще обидится, прогневается – чего же в этом хорошего? Помолиться во славу Христову – в этом ничего постыдного нет. Постыдно, коли при том от родовых богов отречешься – а Зверев такого пре-

дательства совершать не собирался. Посему князь и службу отстоял, и к причастию подошел, и на строительство обители серебра толику пожертвовал, приняв взамен образ без оклада, монахами тамошними с тщанием и молитвами написанный.

Князь вздохнул, сунул руку в поясную сумку и достал серебряный новгородский рубль, протянул слегка опешившему от такой отповеди попику:

– Вот, отец Ион, тебе на храм. Хочу, чтобы и ты по следу моему в обитель сплавал и для храма новый образ привез. А то уж больно скромно церковь моя выглядит.

Андрей намеренно сказал «моя», а не «наша», дабы батюшка вспомнил и то, кто именно строил здешний храм, кто привозил в него колокола и заказывал убранство. И, похоже, сумел-таки развеять у настоятеля последние подозрения.

– Благодарю за щедрость, княже, – прибрал монету батюшка. – Да пребудет с тобой милость Господа.

– Помолись за спасение души моей, отец Ион, – попросил Зверев. – Пусть простит мои прегрешения, вольные и невольные. Он милостив, он поймет.

Попик осенил его крестом – Андрей послушно склонился к его руке, мысленно пребывая уже совсем в других местах, и сделал вид, что поцеловал.

Будущие потери князя Сакульского от прощения оброка были, конечно, велики. Однако же они не очень беспокоили Андрея. С собранным урожаем требовалось разумно, по-хозяйски распорядиться, и оставить все на волю здешнего старосты – привычный, но не самый разумный способ. Что-то продаст, что-то украдет, что-то сохранить не сможет. Крестьяне же свой собственный урожай уберегут куда рачительнее, и прибýtка с него получают больше. Прибыток этот не пропадет, в хозяйствах останется. От него и дворы в будущем крепче станут, и смердам от голода по весне пухнуть не придется да детишек слабых хоронить. В будущем доход больше выйдет, ныне – князю за доброту и заботу слава и любовь от подданных. Что же до княжеского достатка – так зимовать в усадьбе Зверев не собирался, а потому по поводу своего пустого погреба сильно не волновался. Пусть еда лучше людям достанется, чем в загнишке сгниет.

После завтрака князь, взяв с собой всего трех холопов, поднялся на борт струга и вышел по реке в озеро, пугающее корабельщиков крупной зыбью. Волны волнами – но свежий ветер позволил тут же поднять оба паруса и бодро погнал небольшое суденышко на север. Весла понадобились только ближе к вечеру, когда лодка повернула в устье полноводной Вуоксы. Еще до сумерек струг подвалил к торговому причалу Корелы, и корабли принялись выгружать мешки с упакованными в связки по сорок штук горностаями и соболями, привезенными князем из своего далекого удела на лесистой реке Свияге. Были тут, конечно, и бобровые меха, и рысьи шкуры, и медвежьи – но немного, взятые без счета у тамошних промысловиков для округления итоговой суммы до пяти рублей. Здесь, на общем со шведами торгу, князь рассчитывал получить как минимум трехкратную прибыль – а заодно узнать про самые удобные пути в далекую Гыспанию, где дожидалась его благословения старшая дочь и тосковала остальная семья.

Меха – товар дорогой, но нетяжелый, а потому Андрей забрал их с собой на постоянный двор, велел сложить в снятой для холопов обширной горнице, а сам вселившись в скромную светелку. Так выходило даже дешевле, чем платить за ночлег слуг в людской и отдельную кладовую для товара. Выпив перед сном немного сладкого хмельного меда, он нетерпеливо забрался в постель и закрыл глаза, спеша погрузиться в сон.

Как назло, в голову дружно полезли дурные мысли по самым разным поводам. Про то, что волхв старик упрямый, вполне способен натворить глупостей; что родителей он давно уже не видел, и непонятно, когда сможет обнять: меньше чем за два месяца в усадьбу Лисьиных обернуться не выйдет, а столько времени ему в обозримом будущем выкроить никак не получится. Про то, что отец Ион, переждав волну благодарности смердов к своему хозяину,

вполне способен опять начать настраивать людей против князя; что, по новому разряду, за холопов он перед государем больше не отвечает, новой росписи разрядная изба так и не прислала, и что теперь делать – непонятно, а обвинить во всем безалаберные подьячие попытаются его, в своей лени каяться не станут; что неурожаи случаются все чаще, и коли так и дальше пойдет, то недолго и вовсе разориться...

Поняв, что никакой силы воли для очистки сознания ему не хватит, Андрей решительно откинул одеяло, встал, натянул штаны, сапоги, влез в рубаху и опоясался.

– Коли не помогают молитвы, кружка пива всегда выручит, – передернул плечами князь, на всякий случай опустил в поясную сумку кистень и решительно вышел из светелки.

В трапезной было шумно, пахло дешевым вином и жареным мясом, наваристыми супами и кислой капустой. Войдя в обширную горницу, князь в задумчивости остановился: свободных столов не было, за каждым шумели и веселились компании гостей. Холопы княжеские, совсем некстати, сегодня решили проявить скромность и в трапезной не гуляли, места для себя не заняли. К купцам иноземным Андрея не тянуло, веселиться с румяными шумными новгородцами тоже не хотелось. Все, что ему требовалось – это четверть часа и пара полных кружек чего-нибудь хмельного, но не забористого: чтобы уснуть, а не отравить свой разум. Князь даже подумал приказать, чтобы заказ принесли ему в светелку – но тут увидел за дальним столом двух опрятных рыжебородых мужиков. Судя по одежде, люди они были зажиточные: у одного на кафтане пуговицы янтарные в два ряда, у другого рубаха шелковая, да пара перстней на пальцах. Вели они себя тихо и спокойно, что-то неспешно обсуждая, из угощения возле них стояло лишь блюдо с пряженцами, да один кувшин. Зверев поколебался и направился к ним:

– Доброго вам вечера, православные. Не помешаю, коли посижу рядом недолго?

– Присаживайся, сделай милость, – ответил тот, что постарше. – Хороший человек не помешает. Ты, вижу, тоже на печи не сидишь, жизнь в пути проводишь?

– Так заметно? – удивился Андрей.

– Еще бы, – потянулся за пряженцем бородач. – Лицо, вон, обветренное все и загорелое, руки крепкие, взгляд твердый. Сразу видать, не молитвами хлеб свой зарабатываешь, и не грамоты земельные в светелке строчишь. Из колец токмо обручальное носишь, браслетов и цепей золотых нет. Стало быть, не боярин знатный. Но рубаха на тебе и пояс ценою в корову. На службе боярской таких одежд не скопишь. Стало быть, из нашего племени человек, гость торговый.

– Ну, то, что не боярин, это ты прав, – с усмешкой подтвердил знатоку дедуктивного метода Зверев.

– Вот скажи, добрый человек, далеко ли тебе плавать приходилось? – продолжил расспросы купец.

– Коли на запад, то округ шведов раза три ходил, – прищурившись, припомнил Андрей, – на юг же до самой Кафы доплывать приходилось.

– Ответь честно, добрый человек, прибыль где получить проще, возле дома своего промышляя, али в дальних землях, в портах иноземных?

– Чего тут думать – конечно, в иноземных городах промышлять доходнее, – охотно подтвердил Зверев, вспоминая, как славно разграбил с казаками все ту же османскую Кафу несколько лет назад. Кивнул подскочившему служке: – Меда хмельного принеси. Но токмо не вареного, а выстоянного, липового.

– Вот и я говорю, нужно в Сантандер отправляться, – повернулся купец к своему более молодому собеседнику. – За один поход втрое получим супротив вологодского торга!

– Что за Сантандер такой? – любопытствовал князь.

– Торг такой, сказывают, в Гышпании, – ответил купец. – Вроде как мы о товариществе с гостем оттуда сговорились. Но для прибытку хорошего надобно самим туда сходить, а не на честность немца Фуертоса надеяться.

– Фуертос – это гышпанец? – не веря своим ушам, уточнил Андрей.

– Ну да. Товаром мы тут обменялись удачно. За сделку хорошую пир затеяли, да вроде как и сговорились складами пользоваться по-товарищески, да и причалы свои давать безвозмездно, и ночлег заимообразно тоже. Но зато и прибытком делиться в две сороковки, и товар во первую руку товарищу предлагать, – похвастался купец. – Вот и решаем с братом, снаряжать ладью в незнакомое море, али на гышпанскую честь надеяться, а торг токмо здесь держать.

– Попутчиков до Сантандера возьмете?

Купцы переглянулись:

– Что за попутчики? Откель возьмутся?

– Четыре души, четыре рубля, – сходу предложил Зверев.

– Да мы вроде пока и не решили, – покачал головой старший из братьев.

– Шесть рублей, два в задаток, – невозмутимо поднял ставку князь. Не воспользоваться столь удачно подвернувшимся попутным судном было бы глупо. Скакать в далекую страну посуху выйдет куда как накладнее и опасней, чем идти морем. А корабли от здешних причалов ныне отправляются в такую даль нечасто.

– Мы еще и товар не собрали... – задумчиво произнес младший купец.

– Шесть рублей за дорогу, два в задаток, и мой товар я через вас весь сбыть обязуюсь, – еще чуток подзадорил братьев князь. – У меня там одного соболя пять сороков. Да горностай, да рысь.

– Эка ты вдруг заторопился, мил человек, – мотнул головой старший. – Дай хоть поразмыслить маленько. Товар наличный счесть, судно наше проверить.

– Думайте, – согласился Зверев и, словно в задумчивости, снял с ворота купца упавший волос. – Но не затягивайте. Коли мне другая оказия подвернется, я медлить не стану.

Служка подбежал с большой деревянной кружкой, отер стол полотенцем, поставил темный пенистый мед:

– Угощайся, княже.

– Княже?! – разом охнули братья.

– Да уж не боярин, это ты верно подметил, – подмигнул им Андрей, поднял кружку, осушил крупными глотками и с грохотом опустил обратно: – Хорошо! Ну, думайте, люди торговые. Не буду вам мешать. У меня еще одно важное дело на сегодня осталось...

В светелке Андрей открыл походную шкатулку, достал изящный серебряный половник, давно уже купленный специально такого дела, кинул в него воск, растопил над масляной лампой. Кинул внутрь волосок, снова поднес к огню, давая вытопиться жиру и смешаться с воском, потом разлил в две низкие плошки с уже вставленным в держатели фитилем.

Князь имел дело с купцами не первый раз и отлично знал главное правило их ремесла: никогда не платить за то, что можно взять силой, и никогда не ограничиваться малой платой там, где можно взять все. Торговые гости, столь милые и приветливые в своих лавчонках, оказавшись без присмотра, вдали от изб разбойного приказа и боярских вотчин, запросто могли разграбить незащищенное поселение, пустить ко дну встреченный в море корабль, перегрузив к себе товары из его трюмов, продать в рабство отправившихся в путь доверчивых пассажиров. И только вид ухоженных пушек в портах или амбразурах, или близость воинского дозора местных властей могла принудить их к честным сделкам... По ходу которых ухо тоже стоило держать остро.

Открыв крышку шкатулки со вделанным в нее небольшим венецианским зеркалом, князь поставил быстро застывающие свечи по сторонам от него, запалил их от подобранной

у печи щепки, привычно нашептал заговор Стречи, ночной богини, взгляделся в открывшееся в будущее окошко, быстро проглядывая судьбу старшего купца на ближайшие недели. Было оно весьма предсказуемым и незамысловатым: море, палуба, палуба, море, и опять волны, и опять серый выцветший парус... Бухта, порт, подозрительно долгое, многочисленное и почтительное прощание с князем... Нет, ничего: Андрей и холопы все же сойдут на причал без споров и стычек, решительно уйдут в сопровождении подобоострастного младшего купца... Потом будет разгрузка, склады, меха, пирушка, пересчет серебра... К князю это уже никак не относится. Путешествие пройдет без проблем.

Зверев задул свечи, выбил воск из формочек, забросил в ящик сундука: для ворожбы они больше уже негодились. Разве только любопытно станет глазами купца на мир посмотреть. Коли преставится – можно, конечно, свечи эти в качестве «мертвых» запалить. Да только когда это еще будет? Проще готовые из запасов старых использовать, а эти просто для света, когда понадобится, зажечь.

Закрыв шкатулку, князь сладко потянулся, скинул одежду и снова забрался под одеяло. Хмельной мед, растекшийся по жилам, сделал свое дело: почти сразу Андрей заснул, и едва осознав это – представил себе сурового Лютобора с посохом и корзиной, в которую тот собирал травы, окутал волхва облаком, вошел в него, проникая в сон учителя. И увидел чародея: с посохом и лукошком, которым сам же его наградил, в длинной светлой рубахе поверх темно-синих шаровар. Седые волосы опоясывал тонкий ремешок.

– Что же ты, чадо? – укоризненно покачал головой древний колдун. – Плетушку дал, да ничего в нее не положил. Хоть бы яблочка каких насыпал, коли грибов жалко.

– Хоть ананасов могу придумать, – пожал плечами Зверев. – Это же сон. Какая разница, что в нем увидишь?

– Сон не сон, а желание старика порадовать ты, чадо, не выказал. От голода я здесь, само собой, не умру, ан все едино ничем ты хорошим не озаботился. Да и примета плохая, с пустым-то лукошком остаться.

– Перестань, учитель, какие приметы? Ты ведь сам завсегда определяешь, что хорошо, а что нет. И не до ананасов мне, когда ты намеки такие при расставании отпускаешь... Какой зарок, куда тебе пора?

– А то не знаешь, отрок? – посмотрел на корзинку чародей, и она медленно растаяла, не оставив даже дымка. – Век мой долгим был, пора и честь знать. Отдохнуть от хлопот земных, от сует житейских, от обязанностей многих. Утомили...

– Да как же так, Лютобор, окстись! – Андрей приблизился к нему, встал перед лицом. – Ты же сказывал, увидеть не желаешь гибели земли русской. Так не будет ее, гибели! Управились мы вместе с бедой предреченной. Так чего тебе опасаться ныне?

– Это хорошо, что управились, – согласно кивнул волхв. – Коли в земле родной все в порядке, то и уходить с нее легко. С чистым сердцем, со спокойной душой.

– Перестань, волхв! Зачем уходить, почему?!

– Устал я, чадо. Устал. Все, что мог, увидел. Все, чего хотелось, испытал. Все, что мог, исполнил... – Древний колдун закрыл глаза. – Все повторяется, повторяется, повторяется. Одно и то же, раз за разом, год за годом, век за веком. Одни и те же хлопоты, одни и те же труды, одно и то же старание, один и тот же итог. Зачем все это? К чему? Я перестал радоваться успехам, чадо. Я принимаю их как должное, без волнений и трепета. Меня не тревожат беды, я знаю, как избавиться от любой. В жизни моей не осталось ни горестей, ни радостей, ни слез, ни счастья. Последняя тревога была за отчину родовую, но и от той ты меня избавил. Пусть живет и процветает. Тебе за сие поклон. Но смотрю я в годы грядущие – и не понимаю, к чему они мне нужны? Копать, сушить, заготавливать, варить, мерзнуть и маяться от жары, гонять комаров и месить слякоть. Мне остались лишь тяготы, чадо. Я слишком знаю и опытен, чтобы встретиться с неожиданностью или испытать удивление, я

пережил все радости, которые возможны для смертного. Для меня невозможны ни любовь, ни ревность, мне не нужно выдавать замуж дочерей и ходить в сечу бок о бок с сыновьями. Все ушло, ушло, ушло. Я стал похож на старый трухявый пенё. Пусть он старше и мудрее всех в лесу, но внутри его лишь червоточины, труха и плесень. И его больше не радует даже почтение юной поросли, ибо и к нему он давно, давно привык и принимает как должное. Разве это жизнь? Нет, чадо, больше я этого не хочу. Мне пора уходить.

– Перестань, Лютобор! – горячо возразил Зверев. – Все еще только начинается! Мы спасли Русь, и теперь у нее будет новая, бурная и веселая история! Я познакомлю тебя с детьми, я покажу тебе новые крепости и города. Ты просто скукисился в своей лесной норе, вот и ноешь. Тебе нужно вдохнуть свежего воздуха, окупаться в новую жизнь!

– В тебе бурлит молодость, чадо, – покачал головой чародей. – А для меня все это уже было. И не раз. И с каждым разом восторга от «глотка свежести» становилось все меньше и меньше. Ты не понимаешь самого главного, отрок. Уходить нужно тогда, когда ты всего лишь устал, а не тогда, когда эту жизнь ты начинаешь ненавидеть. Ненависть плохое чувство. Из твоего учителя я могу стать врагом всего живого. И тогда тебе придется не познавать мою мудрость и мой опыт, а сражаться против них, дабы убить меня, как порождение мрака и смерти.

– Ты не можешь стать врагом всего живого, Лютобор! Не поверю в это никогда в жизни!

– Это потому, что сейчас во мне совсем мало ненависти, отрок. Но если из жизни уходит радость – то что может появиться вместо нее? Не хочу. Эту сторону жизни я познавать не хочу. Потомкам великого Сварога не пристало купаться в крови девственниц, пытать слабых и бояться смерти. Это удел демонов и поклонившихся им негодяев. Человека русского завсегда справедливость и доброта от прочих племен отличала. Коли из души уходит радость, трудно быть русским. Иным же становиться не хочу.

– Это нечестно, Лютобор! Ты нужен мне, нужен всем тем бабам, что к тебе за советами бегают, нужен детишкам, коих от лихоманки спасаешь, нужен смердам, что от засухи или холодов страдают.

– Я знаю чадо, – кивнул волхв. – Раньше это было для меня важнее моей усталости. Теперь же больше нет. Я начинаю меняться, чадо. И отнюдь не в лучшую сторону. Я вижу это. Заметил уже давно. Но я ничего не могу изменить. Разве знание о скором наступлении зимы способно предотвратить ее приход?

– Я не хочу, чтобы ты уходил, мудрый волхв, – склонил голову Андрей.

– Это хорошо, – улыбнулся колдун. – Было бы хуже, если бы ты этого хотел. И все же уходить нужно, когда тебя желают удержать, а не проклинают. Прости меня, чадо, но мне действительно пора. Мой час пришел. Отныне ты останешься один.

Чародей ударил посохом оземь, и совсем рядом стало подниматься из-под земли необычно огромное, ослепительное рассветное солнце. Волхв, словно юному мальчику, погладил Андрею голову, потом повернулся и ушел прямо в нестерпимо яркий свет. И Звереву не осталось ничего другого, кроме как проснуться.

Князь поднялся, в задумчивости запалил лампу. Душа его рвалась и металась, звала прыгнуть в седло и мчаться, мчаться, чтобы попытаться успеть на Козютин мох еще до того, как мудрый волхв совершит непоправимое. Но опыт взрослого служилого человека осаживал. Ведь посуху на Великие Луки дороги нет. Стругом же через Ладогу от Корелы не меньше двух дней пути, да еще дня три вверх по Волхову, да через Ильмень-озеро, да вверх по Ловати еще дня три. Пока доберешься – почти две недели пройдет. За это время, коли уж Лютобор решился, раз десять за Калинов мост уйти успеет. А коли передумает – нечего и панику разводить.

В дверь постучали.

– Кто там? – громко поинтересовался Зверев, отойдя к брошенному на скамье поясу с саблей. – Открыто!

Створка медленно поползла внутрь, за ней стали видны знакомые лица.

– Прости, княже, не признали тебя намеренно, – облизнув губы, осторожно начал тот, что старше.

– Ерунда, – отмахнулся Андрей. – Кабы обидное чего сотворили, я бы вам на месте голову отсек. А что не признали, так мы, вроде, и не знакомились.

– Купцы мы олонечские, – скинув шапки, один за другим просочились в светелку вчерашние знакомцы. – Житоложины по отцу будем. Он Юрий, я же Михаил. Ушкуй добротный недавно справили о двух мачтах. Почитай, тыщу пудов взять может...

– Каюту мне отдельную отведите, – наклонившись к поясу, расстегнул сумку Андрей. – Товар мой в соседней горнице. Объемный, но легкий. Вы ведь, коли олонечские, железо, небось везете? Скобы-гвозди, клинки да топоры разные?

– Оно как бы так... – забеспокоился младший, который именем Михаил, и схватился за бороду.

– У железа вес большой, а места занимает немного, – кивнул Зверев. – Так что меха к нему в трюмы добавить – самое милое дело. И на пенку еще место останется.

– Ревень у нас в бочках, – полусшепотом признал старший Житоложин. – На торг покамест и не выкатывали³.

– Раз трюмы полны, тогда в путь нужно отправляться. – Князь кинул купцам две монеты. – Обещанный задаток. Меха заберите. Как готовы отчалить будете – известите. Я пока здесь обожду. Знаю я корабельные каюты. Все они с воронье гнездо размером. Еще успею в тесноте насидеться.

– Дык, коли плыть, – переглянулись братья, – так оно хоть завтра. Солонины и капуста квашеная в дорогу купить – да и двигаться. Сказывали же, мы в Кореле еще не разгружались. Вчера как раз думу думали: дальше плыть, али здесь на торгу выставяться. Ну, а как ты, княже, слово свое сказал, так мы и решили: знак сие нам от Николая-угодника. Коли прибыток получить хочешь, рисковать надобно.

– Быть по сему, – кивнул Андрей. – На рассвете буду у вас на борту. Ныне же, коли расклад такой случился, распоряжения мне оставить для слуг надобно.

– Слушаю, княже, – поняв намек, попятились к выходу купцы. – Не станем отвлекать.

Хлопот у князя Сакульского на самом деле было совсем немного. К путешествию он готовился давно, и все нужные приказы были отданы еще месяц назад, надежные толковые холопы расставлены старостами и приказчиками, амбары и погреба опустошены, для московского подворья отправлено серебро на неизбежные в столице расходы. Все, что требовалось – это отпустить струг, да наказать рыбакам, чтобы упредили в княжестве о его отъезде. Изначально ведь он только через неделю в путь собирался, через Новгород. Но грех не воспользоваться случаем, раз уж подвернулась такая удачная оказия...

* * *

Олонецкий ушкуй мало уступал по размерам обычной новгородской ладье и имел примерно десять шагов в ширину и около тридцати в длину. С ладьей его рознили в первую очередь куда более стремительные обводы. Если первая напоминала половинку бочонка со слегка скругленными формами, то ушкуй походил на веретено: борта плавно расходились от

³ Ревень в XVI веке считался одним из «заповедных товаров», торговать которым дозволялось только царской казне. За его контрабанду вполне можно было попасть на дыбу под кнут палача. Но уж больно прибыльной была продажа этого лакомства...

носа к середине корпуса, а потом сходились обратно на острие. Скорость – выше, но трюмы – увы, меньше.

Вторым отличием была знаменитая ушкуйная двуносость: нос и корма корабля были срублены совершенно одинаково, имели высокий бушприт и место для крепления рулевого весла. Благодаря этому ушкуй мог с одинаковой легкостью плыть в любую сторону – достаточно лишь руль перенести да парус перекинуть. На море это, может быть, достоинством и не являлось – но зато позволяло купцам смело заплывать в любую реку на любое расстояние, не боясь оказаться в ловушке. Как только берега становились слишком узкими, ушкуй просто останавливался, рулевой переходил с места на место – и через несколько минут путники могли спокойно плыть обратно. Разворачиваться для этого корабельщикам не требовалось.

Надстроек на нем тоже было две, совершенно одинаковых: треугольной формы, пяти шагов в длину и трех в ширину, да еще и высотой Андрею от силы по плечо. Соответственно, пользоваться ими можно было только двумя способами: или сидеть за столом – кушать, писать или читать, – или спать на узкой постели. Помимо кровати и стола, места хватило только на сундук с двумя врезными замками. В него князь даже не попытался заглянуть – походную чересседельную сумку и небольшой сундучок велел просто положить сверху.

Убедившись, что вещи и оружие сложено, Андрей вышел на палубу. Над Вуоксой как раз начинало светать, вокруг крепости по протокам полз осторожно туман, словно надеялся, что его не заметят. Дозорные на единственной башне скучали, опершись на рогадины, и, вполне может быть, даже дремали.

Купеческие ушкуйники, отчаянно зевая, сдернули с быков причальные канаты. Течение тут же развернуло глубоко сидящий корабль и, ласково покачивая, понесло к совсем близкой Ладоге. Старший Житоложин огляделся, принялся, прошелся от борта к борту и наконец решил:

– Парус прямой ставьте. Ветерок слабый, но вытянет. Успеет еще веслами намахаться.

Корабельщики засуетились, разбираясь в паутине снастей, что-то отвязали, что-то подкрутили, дружно, все шестеро, взяли за канат – и на передней мачте быстро вырос большой белый прямоугольник, рахитично попытался выпятить грудь, но без особого успеха. Однако за бортом тут же зажурчало – пусть и слабую, но какую-то тягу он все же давал. А когда ушкуйники подняли парус на вторую мачту – ускорение судна стало заметно даже простым глазом.

Прибрежные наволоки, украшенные сонным, полурасстворившимся в дымке табуном, побежали назад, промелькнули над головой три крупные вороны, каркнули, и тут же вместо них появились такие же большие чайки.

– Хорошая примета, – оценил знак Похвиста купец и широко перекрестился. – Кабы такой ветер да все время – так за полмесяца бы и дошли.

Ушкуй выкатился в Ладогу, повернул нос на юг, легко и непринужденно разрезая пологие волны. Ушкуйники, закрепив канаты, натянули между мачтами потрепанный полотняный тент и развалились на палубе, не подстелив даже тюфяков. Вскоре все они дружно засопели.

– Моряк спит, зарплата идет, – усмехнулся Андрей. – Вот, работнички. Пахом, вы тоже себе спальное место возле моей каюты организуйте. Внутри места так мало, что к себе пустить не смогу, даже если бы и захотел.

– Ничто, княже, – кивнул дядька. – Чай, не зима на улице. На воздухе токмо свежее.

Под попутным ветром ушкуй еще до вечера домчался до Невы. Однако в темноте входить в реку с быстрым течением купцы не рискнули, переночевали под грозными стенами Орешка. С рассветом посадили шестерых корабельщиков на весла, вышли на стремнину и уже через полдня вышли в Финский залив. На мачту взметнулись все паруса: два прямых,

два косых, и еще два мелких треугольника перед самым бушпритом. Ушкуй весь напрягся, задрожал и стремительно, словно на рысях, помчался на запад.

Кормчий – опоясанный красным шелковым шнуром седовласый сухощавый старик с длинной белой путаной бородой, в серой рубахе, коричневых шароварах и лаптях – непрерывно шевеля губами, поглядывал то на небо, то по сторонам, время от времени записывал угольком что-то неведомое на борту рядом с собой. Периодически подзывал одного из корабельщиков, и тот, бросив за борт веревку, отсчитывал узелки. Старик согласно кивал, опять что-то записывал, считал. Его профессионализм стал понятен только тогда, когда берега разошлись в стороны, скрывшись за горизонт, и тем не менее кормчий продолжил спокойно и уверенно вести судно, не имея округ ни единого ориентира. Правильность выбранного направления подтверждали острова, что временами появлялись то справа, то слева. Будь курс неверным – кормчему пришлось бы подправлять.

Северный летний день долог – сумерки сгустились только поздней ночью. Старик велел спустить паруса и отдать якорь, и лег спать прямо там, где стоял – под рукоятью руля, прижавшись спиной к борту. Князь ушел в свою каюту, а когда утром вышел на палубу – ушкуй уже мчался по высоким волнам, с хищным посвистом прорезая гребни.

Который был час, Андрей определить не смог, но вскоре после завтрака по левую руку показался похожий на плесневелую краюху, бледный и почти совершенно безлесый берег.

– Муху-Вяйн⁴, княже, – сообщил старший Житоложин, подойдя ближе.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Андрей, хотя это название ему ни о чем не говорило.

– Коли ветер таким останется, завтра ввечеру к датским берегам доберемся.

– Отлично, – снова кивнул князь, облакачиваясь локтями на борт. В этом круизе делать ему было абсолютно нечего. – Откуда ты все знаешь, Юрий, коли вы с братом никогда в чужие земли на торг не плавали?

– С братом не плавали, ан с отцом ходили, царствие ему небесное, – перекрестился купец. – Славный был хозяин, умелый. Пути все знал, языки чужие понимал без толмача. Да мы, балбесы несмышленные, тогда сего не разумели. Пока учить пытался, гуляли да веселились, а как слег, так и опыт весь пропал, и знакомства отчие, и связи торговые. В Персию уплыл с товаром крепкий и здоровый, веселый, румяный. Вернулся же сухой, как щепка, и с лица почерневший. Ладью на зимовку вытащил, ввечеру в постель лег, да больше и не встал уже. Месяца не прошло, отпевать пришлось. Э-эх... – Житоложин снова осенил себя знаменiem. – Ты скажи, княже, как ныне у нас с датчанами, вражды нет? Может, нам через проливы их ночью, тайком пробраться?

– Нет вражды, – покачал головой князь Сакульский. – Наоборот, союзники мы ныне, друзья крепкие и даже родственники. Государь наш Иоанн Васильевич племянницу свою три года тому за датского принца замуж отдал, и всю Ливонию здешнюю в приданое подарил. Так что...

– Ну и слава Богу, – перевел дух купец. – Проливы у них больно узкие, токмо зазевайся в потемках – моментом на скалы налетишь. А коли в друзьях они ныне, так оно, знамо, на свету куда как покойнее...

Грустная Муху-Вяйн осталась позади, ушкуй снова пошел через открытое море без берегов. До обеда Андрей бродил по палубе, а подкрепившись пирожками и запив их разбавленным вином, решил немного полежать и неожиданно для себя уснул. Уснул мертвецки крепко, даже никаких снов не увидел, и поднялся только новым днем. Судно к этому времени шло боком к ветру. Половину парусов пришлось убрать, дабы уменьшить крен, и ушкуй уже не летел по волнам, а переваливался по ним, часто и глубоко зарываясь носом. По небу ползли темные тучи, угрожая добавить к качке еще и дождь.

⁴ Моодзунский архипелаг.

Ушкуйники сидели под навесом потные и усталые, трое из его холопов висели возле борта с зелеными лицами. И только Пахом, увидев князя, поднялся, указал на полотняный сверток:

– Солонины не желаешь, княже? Пироги закончились, ныне токмо солонина да капуста одна из припасов осталась.

– Наемся еще, – отказался Андрей.

– Да, каши бы сейчас горячей, – вздохнул дядька. – Да где огня возьмешь?

Где они находятся, Зверев спрашивать не стал. И без того понятно, что до заветного Сантандера еще плыть и плыть. Убедился, что кормчий стоит на своем посту с прежней невозмутимостью, берегов не видно, а ушкой двигается вперед – и ушел обратно в отведенную ему конуру. Вытянулся на постели, раз уж стоять все равно было невозможно. Закрыв глаза. Сундук мерно поскрипывал, шелестел за дверью ветер, мерно покачивалась постель – и вскоре к Андрею снова стала подкрадываться дремота. Но в этот раз он смог удержать сознание в достаточной ясности, чтобы уловить границу реальности и сна, и уже в который раз вызвал образ Лютобора, окутал его облаком, вошел внутрь...

– Здравствуй, мудрый волхв. Рад видеть тебя в добром здравии.

– А когда ты во сне меня другим замечал? – улыбнулся чародей, крутя в руках ярко-красное наливное яблоко.

– Я рад тому, что ты передумал, Лютобор, – поправился Зверев. – Что не стал уходить. Честно, очень рад.

– Вот тут ты ошибаешься, чадо, – возразил колдун. – Нет меня больше. Пещера заросла, тропинку водой залило, воду тиной затянуло, и нет больше ко мне хода ни конному, ни лешему, ни летом, ни зимой. Закрылся накрепко, спрятался надежно. Где жил, там почившим остался.

– Почему же я тебя вижу? – не поверил Андрей.

– Не все так просто оказалось, – раскрыл ладонь старик, и яблоко вспорхнуло с него пухлым снегирем. – Так много я всего здесь сделал, так старался, что пропиталась духом моим вся земля окрест. В каждом дереве крохотная частица зацепилась, в каждой живности некая толика, а в памяти людской – еще больше. И выходит, чадо, что телом я вроде и мертв, а дух мой живет на свете, ровно и не изменилось ничего.

– Вот видишь, – вздохнул Зверев. – Говорил же я, не надо!

– Нужно было, отрок, нужно. С плотью капризной многие хлопоты и надобности исчезли, что донимали меня прежде. Посему горести многие душу мою более не занимают. Тяготы ушли, радости остались. А коли на душе радость одна, так чего печалиться? Таким, как ныне, можно и пожить.

– Рад за тебя, волхв, – кивнул Андрей. – Жалко, зелья ты теперь сварить не сможешь, али заговор нашептать.

– Почему не смогу? – засмеялся колдун. – А ты на что? Твоими руками могу смешивать, твоим языком наговаривать. Ну-ка, чадо, вспоминай, каким зельем, да с каким наговором дожди вызывать надобно? Говори немедля, пока не разозлился!

– Всю мою здешнюю жизнь ты меня учишь, чародей. Когда же закончится твоя школа?

– Никогда! Мудрость бесконечна. Ты от вопроса не увиливай! Вспоминай давай, вспоминай!

– Чего тут вспоминать? – пожал плечами Зверев. – Три раза пробовал во время засухи прошлогодней. Ни разу не помогло.

– Значит, ошибся в чем-то. Какими обрядами пользовался?

– Ну, реку пахал...

– Великий Сварог, позор на моим седидам! – схватился за голову волхв. – И это мой ученик!!! Реку пашут женщины, только женщины! И токмо обнаженными! Для пробуждения

спящего женского нутра в небесах сие проводится, мужикам при сем действе делать вовсе нечего!

– А как я их заставляю? – развел руками Зверев. – В наше время про Триглаву с Похвистом токмо помяни – по монастырям с покаяниями затаскают.

– Нечто не мог мужской обычай применить? Могилы людей славы, например, полить?

– Поливал. И наговор поклонный для Похвиста читал.

– Почему для Похвиста? Это ведь на темные силы обряд, на Чернобога, на Стречу, на Мару... Ты еще скажи, что не в полночь могилу поливал, а светлым днем!

– Ты же сам сказывал, волхв, что для самого сильного наговора рано утром натошак в открытое поле выйти надобно, утренней росой умыться, до земли на все четыре стороны света поклониться, встать лицом на восток к восходящему солнцу...

– Тебя послушать, глупец, так и порчу нужно не темной ночью на перекрестье дорог творить, а под приглядом Хорса жизненного! Чем ты голову свою забил, коли простейших вещей не помнишь?!

– Порохом, пищальми, бердышами и гуляй-городом, – нахмурился Андрей. – Пять лет семьи не видел, из седла не вылезал, от похода до похода выспаться не успевал. Али забыл, как сам меня османами непобедимыми пугал. И где теперь эти османы?

– Ишь, возгордился, чадо, – скривился чародей. – Гордость – это хорошо, право на гордость ты заслужил. Однако же и мудрость, богами данную, забывать не след! Ты землю оборонил, они же ее создали. Дождя надежнее всего у Перуна просить. С наговором на «тринадцать вихрей». «Тринадцать ветров вызываю, тринадцать вихрей закликаю, тринадцать бесов от сна пробуждаю. Поднимите, бесы, тучу из-за гор. Из-за гор поднимите, сюда приведите. Дуйте ветры, вихри крутите, все на своем пути ворошите. Гудите, пылите, веселитесь, играйте, людям спокойно жить не давайте...» Помнишь еще такой?

– «Слюна в землю, дождь на землю. Жабьим языком накликаю, слюной вызываю. Затянись, заволокись, тучей заклубись, дождем изойдись...» – забормотал в ответ Зверев.

– И это тоже ночной заговор, – отмахнулся колдун. – Перун на него не откликнется, токмо Стреча, али нежить болотная. Но от нее большого дождя не жди. Разве туман густой натянет, да росой густой землю промочит. Давай, чадо, освежи разум. Вспоминай, отрок, вспоминай!

Поневоле Андрей Зверев вдруг окунулся в первые свои месяцы пребывания в этом мире – дни, когда выдернувший его из будущего чародей методично вбивал основы магии в еще смятенный переменами ум. Телесная смерть словно освежила чародея, и он взялся за ученика с новыми силами. Того же в долгом пути не отвлекали никакие посторонние мысли и хлопоты, и он покорно внимал словам древнего колдуна.

Сон опять оказался долгим и выматывающим, на целый день. Князь поднялся из постели голодным, как волк, и с пересохшим горлом. Не обращая внимания на качающийся пол, он вышел на палубу, повернул к Пахому. Встряхнулся, получив в лицо порцию холодных соленых брызг. Огляделся.

Сегодня ушкуй не летел по волнам и не зарывался в них. Он кувыркался в пенных брызгах, как щепка в водопаде. Мокрый до нитки, но все такой же невозмутимый кормчий стоял на корме, привязанный за пояс к штырю, крепящему рулевое весло, на мачтах вместо парусов дрожали от натуги всего два небольших алых треугольника. Команда ушкуя жалась к бортам и тоже обвязалась веревками.

– Штормит? – задал риторический вопрос князь, подойдя к Пахому. – Ты про солонину в прошлый раз поминал. Осталась еще?

– Прости, Андрей Васильевич, ввечеру еще доели, – прохрипел тот. – Ушкуйникам отдал, дабы не мокла. Волнами несколько раз заливало.

– Чего шепчешь-то? – удивился Зверев. – Никак осип?

– Молюсь... Вестимо, сгинем все ныне. Ни могилы, ни отпевания.

– Ерунда, ничего не случится, – отмахнулся князь. – Проливы-то датские прошли, али еще нет?

Дядька только непонимающе тряхнул головой. Андрей перевел взгляд на кормчего, но в последний момент все же решил его не отвлекать и повернул к носовой каюте, под изумленными взглядами ушкунников ловко лоя ногами палубу – резко качающуюся и прыгающую, заливаемую по-змеиному шипящей и пузырящейся водой. Толкнул дверь, пригнулся, шагнул внутрь.

– Доброго вам дня, торговые люди, – кивнул князь. – Чего-то я заспался последнее время, от реальности оторвался. Мы как, прошли проливы, или еще нет?

– Прошли... – слабым голосом ответил бледный младший Житоложин. – И понесла нас нелегкая сюда, в темные воды, теперь сгинем все безвестно заместо прибытка. Ни поминок, ни креста.

– Да не бойсь ты, купец, – успокоил его князь. – Ничего с вами не случится. Доплывет ушкуй до Сантандера целиком и полностью, даже мачт не поломают. Вы лучше вспомните, что пассажиров кормить надобно, а не только укачивать. У вас тут перекусить ничего не найдется? А то брюхо совсем подвело.

– Как ты о еде в такой час мыслить способен, княже? – Юрий Житоложин выглядел ничуть не лучше брата. – О душе пора беспокоиться. Всяко видно, не прожить нам, грешным, до восхода нового. В пучину уйдем со всем товаром. А у меня жинка на сносях...

– Говорю же, не случится с вами ничего, не бойтесь, – повторил Андрей. Подумал и пояснил: – Икона у меня с собой чудотворная, Николы-угодника. С холопами своими из святого Коневецкого монастыря везем. Пока она на борту, святой Николай нашей гибели не попустит. Так что успокойтесь наконец, и придумайте чего-нибудь поесть. Не дрова везете, чтобы в трюме запереть и забыть. Давайте, давайте, шевелитесь. Хватит помирать, в другой раз преставитесь.

Он чуть выждал, махнул рукой, развернулся, вышел под удары волн и ветра, пересек ушкуй, пританцовывая на ненадежной палубе и занырнул к себе, в конурку хоть и крохотную, но закрытую от ветра и воды. Присел к столу, поводит пальцем по плотно подогнанным лакированным доскам, вздохнул, перешагнул к постели, лег, закинув руки за голову, закрыл глаза. Но сон, естественно, не шел.

Неожиданно Андрею померещился стук в дверь. Зверев приоткрыл глаза.

– Дозволь, княже? – Младшего Житоложина качало так, что он бился плечами то об одну сторону косяка, то о другую, да еще регулярно попадал головой о потолок. В руках купец сжимал узелок, из которого многообещающе выглядывало горлышко бутылки.

– Давно пора! – Князь Сакульский бодро сел. – Давай сюда, а то улетит со стола-то.

Юрий Житоложин послушался и тут же жалобно спросил:

– Дозволь на икону глянуть, княже? Нечто и вправду чудотворная?

– Еще какая! – после короткого колебания подтвердил Андрей, дотянулся до сумки, подвинул ближе, нащупал прямоугольный сверток, достал на свет, с осторожностью откинул края тонкой и мягкой войлочной кошмы. В купца тут же уперся суровый взгляд святого, сжимающего в левой руке Библию, а правую поднявшего для благословения.

По счастливому стечению обстоятельств чудотворец, столь любимый Полиной за покровительство детям, помимо этого считался еще и защитником моряков. И для успокоения перепуганных морским штормом ушкунников подходил донельзя лучше.

– Многих рыбаков икона сия от гибели спасла, – решил еще немного соврать во благо Зверев. – Куда она смотрит, там никто из плывущих погибнуть не может. На Ладоге знаете какие шторма случаются? А в бухте Коневецкой никогда ни одного утонувшего не случилось.

Насилу я ее у монахов выкупил. Да вот видишь: оклада все же не дали. Как реликвию у себя оставили.

– Господи, смилуйся над нами, – перекрестился купец, наклонился к лику, коснулся губами высокого лба. – Не дай пропасть в пучине.

– Не даст, – уверенно подтвердил князь, спрятал лик и взялся за узелок с едой. Внутри оказались большой шмат сыра, крупные ржаные сухари и где-то с горсть кисловатых сушеных яблок. Не успел он закончить трапезу, как дверь снова приоткрылась. Внутрь заглянул молодой, еще безусый корабельщик, шмыгнул носом:

– А правду сказывают, княже, икона у тебя с собой чудотворная?

Князь Сакульский недовольно вздохнул, но все же снова потянулся к чересседельной сумке, достал доску с ликом, развернул с подобающей осторожностью:

– Вот, убедился? Пока он с нами, ничего ушкую не грозит, пусть хоть небеса на море обрушатся. Он нас спасет. И хватит, больше никому не покажу. Неча тут экскурсии устраивать.

– Велик Господь и милостив, – торопливо закрестился юноша и скрылся за дверью.

– Выручит... – Андрей прикусил губу. Он вдруг вспомнил, что зеркало Велеса уже предсказывало и общую гибель русскую, и смерть ему лично, однако же цела и Русь, и сам он в полном здравии...

Хотя, с другой стороны, будучи упрежденным, он долго и упорно трудился, чтобы предсказанного не допустить. Шторм же, в отличие от дел человеческих, стихия вольная, ее ни отодвинуть, ни задержать нельзя. А раз так – то с ним заговор на подглядывание в будущее ошибиться не мог. И про непогоду должен был знать, и про то, что ушкуй в ней не пострадает...

– Скалы-ы-ы!!! – Истошный вопль перекрыл шум урагана и пробился сквозь стену каюты. Зверев, так и не выпустив иконы из рук, кинулся наружу.

– Вот черт... – Правая рука его сама собой поднялась и сотворила знамение. Слева по борту, совсем уже недалеко, всего в паре сотен шагов, из пенистых шапок, вздымая высокие фонтаны, то выглядывали, то снова исчезали под водой остроконечные черные уступы. Причем ветер и волны прямо боком с невероятной скоростью тащили судно именно туда.

– Туда, князь!!! – увидев его, истошно закричал молодой корабельщик, тыкая пальцем в сторону рифов. – Образ туда!

И Андрей совершенно безотчетно, просто потому, что ничего другого сделать был не в силах, двумя руками поднял над головой икону, направив взгляд святого чудотворца к рифам. Ушкуй взметнулся на высокой волне, зависнув над хищными гранитными клыками, покатился с водяной горы вниз. Палуба дернулась – это молчаливый кормчий переложил руль, поворачивая судно носом на камни.

Князю показалось, что мир наполнился тишиной – исчезли звуки волн, вой ветра, скрип снастей. Корабль ухнулся в пропасть, влетая в расселину меж двух изрезанных трещинами скал. Сердце медленно отсчитывало последние мгновения жизни – вот-вот камни должны были вгрызться в борта сразу с двух сторон... Как вдруг новая волна, нагнавшая ушкуй, стала быстро поднимать его вверх, одновременно вынося из расселины. Взметнулись фонтаны из врезавшейся в препятствие воды, скрипнул снова переложенный руль, мелькнула справа еще одна мокрая стопка валунов, волна ушла, роняя ушкуй вниз. Люди затаили дыхание – но предательского удара в днище так и не последовало. Скальная гряда осталась позади.

– Она чудотворная! – Андрей даже не понял, кто это выдохнул. – Она воистину чудотворная!!!

Корабельщики, купцы, холопы, попадали на колени, ползя в его сторону, постоянно крестясь и кланяясь. Зверев перевел дух и наконец-то снова услышал шум ветра и плеск

волн, ощутил на лице холодные брызги. Высоко поднятые руки затекли, он опустил икону вниз. Подобравшиеся ушкуйники один за другим принялись целовать образ, крестясь и отступая.

– Все! – отрезал князь, когда этот обряд исполнили все и собрались было подходить по второму кругу. – Беречь его надобно, беречь. Господу молитесь! В его власти души и судьбы наши. Его милостью уцелели.

Он аккуратно завернул икону в тряпицу и унес в каюту. Спрятал, сел на постель, переводя дух. Сердце колотилось, как сумасшедшее, руки подрагивали, кожа порозовела. Он ощущал себя так, словно только что мчался в копейную атаку и внезапно оказался ссажен с коня. Только через несколько минут, слегка успокоившись, он смог снова выйти на палубу. Князь поднялся на кормовую надстройку, остановился возле кормчего, глядя ему в лицо. После затянувшейся паузы тот сказал:

– Мы в море. Скал больше не встретится.

– Не обидно? Мастерство твое, а вся слава иконе досталась.

– Мастерство вещь важная, – спокойно ответил рулевой. – Ан без божьей помощи тоже не обойтись.

Андрей подумал, полез в сумку, нащупал две монеты, протянул старику:

– Вот, возьми...

– Два рубля? – мельком глянул на награду кормчий. – Это все, во что ты ценишь свою жизнь?

Зверев растерялся. Разумеется, жизнь свою он ценил куда выше... Но выплатить такую награду не смог бы при всем желании.

– Успокойся, князь, – смилостивился над его сомнениями кормчий. – И убери серебро. За это денег не берут. Найди для них тот товар, который меряется в рублях, а не в душах.

– Спасибо тебе, отец, – смирился с отповедью князь Сакульский и застегнул сумку. – Бог даст, сочтемся.

– Не нужно, княже, – покачал головой старик. – Мы же не язычники, дабы счеты все лишь меж собой вести. Мы с тобою братья во Христе. Не нужно считаться со мной. Сделай добро другому. Ты добро сделаешь, он добро сделает, третий добро сделает, четвертый. Глядишь, и до меня сей ответ доберется. И я от кого-то радость бескорыстно получу. И еще кому-то тоже дело доброе сотворю. Так меж христианами принято. Делай добро другим – и не считай, кто и что тебе за него должен.

– Трудно так жить, без счета все раздавая, – поежился Зверев. – Себе тоже получить чего-то хочется.

– Коли веру Христову принял, неси крест с достоинством. Будь достоин того, кто собой пожертвовал, грехи общие на себя принимая.

– Не тяжел этаким обет для простого смертного? – задумчиво спросил Андрей.

– А ты попробуй, – предложил старик.

– У меня не получится, – пожал плечами Зверев. – Я милостью Божией князь Сакульский, я награду в задаток получил. Что бы ни делал, ан выходит это лишь доказательство того, что награды сей я достоин. Что звание свое ношу по праву.

– Сочувствую, княже, – кивнул кормчий. – Но изменить сего лиха не в силах.

Андрей рассмеялся, кивнул, положил ладонь ему на плечо:

– Спасибо тебе, отец. Постараюсь, чтобы дело твое доброе зря не пропало.

Князь оглянулся на оставшиеся уже далеко позади скалы, перекрестился еще раз и пошел вниз.

Шторм метал ушкуй еще целый день, после чего стремительно, в считанные часы, развеялся, напоминая о себе лишь крупной беспорядочной зыбью. Еще день кормчий спал – и никто из команды не рискнул побеспокоить своего уставшего рулевого. Но на рассвете тре-

того дня его зычная команда погнала ушкуйников к снастям: корабль раскрасился парусами и бодро заскользил через безбрежные воды.

Вдали от суши они плыли целых четыре дня, по мере сил экономя воду и солонину. Не зная, куда вынес судно шторм, кормчий на ночное плавание не решался и с наступлением сумерек приказывал спустить паруса и лечь в дрейф. Однако к середине пятого дня впереди показалась земля. Рулевой отвернул влево, взглядываясь в далекую темную полосу, и шел так не меньше двух часов, прежде чем лаконично сообщил купцам:

– Выбрались. Теперича сушу по правую руку ждем.

Обещанная суша появилась утром, и кормчий окончательно успокоился, уверенно ведя ушкуй примерно на равном расстоянии от берегов. Андрей, вспомнив общие контуры школьных карт, понял, что они идут мимо Англии, по Ла-Маншу.

Погода свежела, но легкие облака не внушали опасения. Просто ветер стал немного крепче, задувая со стороны континента. Из-за слишком большого крена опять пришлось снять часть парусов, и ушкуй пошел даже медленнее, чем раньше.

Через день скрылся за горизонтом английский берег, а потом и французский. Кормчий явно недолюбливал лишнее внимание и старался выбирать путь вдали от чужих глаз и оживленных судоходных путей. Еще четыре дня пути исключительно по узелкам на лаге и угольным отметкам на борту – и ушкуй вдруг резко повернул строго на юг. Вскоре впереди медленно проявилась из дымки длинная волнистая линия. Андрей даже сразу не понял, что это и был холмистый берег долгожданной Испании. Сбросив все паруса кроме одного, на передней мачте, судно поползло вдоль берега – видимо, выбирая место для причаливания. Там, между скалистыми уступами, то и дело открывались золотистые пляжики, однако кормчему все они почему-то не нравились. Внезапно он хлопнул в ладоши:

– Вот и Сантандер! Спускай парус, якорь за борт. Неча ввечеру в чужом порту толкаться. Утром в бухту войдем. Дозволь отдыхать людям, Юрий Степаныч. Пусть бодрыми завтра будут.

– Да, да! – согласился старший купец. – Двойную порцию всем сегодня, и вина по чарке. Воды пейте кто сколь пожелает, завтра свежей наберем. Милостью Божьей, ан все же добрались!

На рассвете ветер опять потянул с берега, и потому ушкуйники выпростили на воду весла и уже под ними обогнули мыс, войдя в огромную, просторную бухту, способную принять не то что купеческую ладью, а пяток авианосцев. На таком раздолье порт Сантандера выглядел насмешкой: полсотни бревенчатых причалов под холмом в глубине залива. Половина их пустовала, и кормчий уверенно подвел судно к тому, что находился в центре порта. Старший Житоложин перемахнул борт, потрусил искать хозяина, чтобы получить разрешение на стоянку и узнать ее стоимость, корабельщики привычно развалились на отдых, князь же стал не спеша собираться. Хотя, чего там собирать? Кошель и сумку проверить, одежду поправить, саблей опоясаться – всего и делов. Вот только уйти не расплатившись князь, естественно, не мог. Приходилось ждать, от безделья лениво перебирая знакомые вещи.

Купец прибежал примерно через полчаса, замахал руками:

– Отваливай! Вон к тому причалу идите, второму с краю. Он дешевле аж втрое выходит.

Почему так, Андрей интересоваться не стал. Пока ушкуйники снимали с деревянных быков канаты, он тоже сошел с судна и махнул Житоложину рукой:

– Постой, Юра! Давай сочтемся ныне, да я дальше двинусь. Мне еще лошадей купить нужно, помыться где-то. Застрывать тут надолго не хочу, и так уже целую вечность до Аранхауса доехать не могу.

– Дай мне хоть полдня времени, княже! – взмолился тот. – Я же цен здешних не проведаль еще, приказчика сотоварища нашего не отыскал, склада не видел. Как же мне за товар твой платить, коли расклад здешний непонятен?

– А-а, я и забыл про него, – хлопнул себя по лбу Зверев. – Хреновый из меня купец. Ладно, узнавай. Заодно про дорогу в Аранхаус поспрошай и лошадей, коли выйдет, присмотри.

– Сделаю, княже, – кивнул тот, привстал на цыпочки, наблюдая за маневрами ушкуя, почмокал губами и снова убежал.

В этот раз его не было довольно долго, но вернулся Житоложин вальяжный и довольный, как объевшийся сметаной кот. Причем от него явно припахивало хорошим виноградным вином.

– Отец сотоварища нашего здесь, оказывается, пребывает, – расчесывая пальцами бороду, сообщил купец. – Обо всем упрежден сыном своим, лавки имеет в городах многих. Готов хоть ныне за весь товар расплатиться. По его словам, сам к полутора у нас тут прибыток выходит. Но я так мыслю, коли окрест походить, цены проведать, так и поболее торговаться можно.

– Поздравляю, – нахмурился Зверев.

– Все испросил княже, будь уверен, – спохватился купец. – Лошади будут добрые, их в счет товара спишем, бань у них тут, вестимо, и в помине не имеется, с Аранхаусом же непонятно вышло: про такой город купец не ведает, однако же известен ему богатый и знаменитый Аранхуэс, в коем короли здешние изволят отдыхать часто в знойные месяцы лета.

– Это он! – уверенно кивнул князь.

– Путь к нему прямой и понятный, от главной площади через ворота по тракту. И сказывал гышпанец, коли по самой широкой и ухоженной дороге ехать, то аккурат до него и доберешься. Бургос и Мадрид, города большие, по пути встретиться должны. Это дабы не заплутать. Коли о них спрашивать, любой раб дорогу укажет.

– Далеко?

– Десять дней пути, коли дожди не начнутся.

– Хорошо. – Это было все, что требовалось знать князю Сакульскому. – Давай сочтемся, и я поеду.

– Дык как же я сочтусь за товар твой, княже, пока покупатель его не осмотрит и задатка не даст? Опять же тебе, вестимо, здешние монеты надобны, а не русские.

– Вот, проклятье, – сплюнул Зверев. – Не одно, так другое. Да, ты прав, серебро мне надобно здешнее... Ладно, жди своего сотоварища. Я пока с холопами место поищу, где искупаться можно. Коли бани нет, хоть освежусь немного.

Найти место для купания возле портового города труда не составило. Большая часть берега в бухте представляла огромное количество небольших пляжиков, перемежающихся скалами. Места, не пригодные ни для выпаса скота, ни для земледелия, а потому – совершенно безлюдные. Андрей под присмотром холопов с наслаждением искупался в прохладных волнах сам, избавляясь от многодневного пота, переоделся в чистое, потом загнал в воду холопов. Немного погрелся на солнышке, любясь с камней проплывающими под пышными россыпями парусов каравеллами, и отправился в город.

Здесь команда с помощью плечистых испанских амбалов уже опустошала трюмы ушкуя, перегружая на запряженные волами возы дубовые бочки и сальные рогожи с разнообразным железом.

– Эй, купец! – окликнул старшего Житоложина Зверев. – Вижу, дело у тебя ладится.

– Как есть ладится! – встрепнулся наблюдающий с кормы за работой Юрий. – По-доброму все идет, по-доброму. Иду, княже, иду. Все как есть, без обману...

Он засуетился, словно не зная, как спуститься, неуклюже спрыгнул, пробежал по палубе, выскочил на причал.

– Вот, все здесь, все здесь... – Он полез за пазуху, достал небольшой, но тяжело позвякивающий замшевый мешочек, взвесил в руке и протянул Андрею: – За меха. Семнадцать

дублонов – это золотые рубли такие здешние – и девять эскудо. Они вроде как половинка от дублона каждый. Кони же – вон, на краю площади дожидаются, дабы погрузке не мешали. Четыре резвых скакуна с упряжью.

– Мой долг за путешествие уже вычел?

– Не беспокойся, княже... – Купец глянул куда-то ему через плечо.

– Пахом, – повернувшись, приказал Зверев. – Вещи мои из каюты заberi.

Дядька кивнул, вспрыгнул на борт, шагнул внутрь. Князь же, скользнув по причалу взглядом, отметил, что ушкуйники, оставив бочки и рогожи, замерли, выжидаяще глядя на своего хозяина.

«Нечто придавить и ограбить тут задумали? – мысленно удивился Зверев, высвобождая рукоять сабли из-под полы кафтана. – Посреди города? На глазах десятков свидетелей?»

– Тут дело такое, княже... – замялся Житоложин и снова сунул руку за пазуху. – Вот еще десять дублонов от нас с братом. И люди все от доли своей отказываются, то еще десять дублонов выйдет. Сделай милость, уступи образ чудотворный.

– Да как же я его уступлю? Жене я его везу! Подарок из отчей земли.

– Уступи, княже, смилуйся над людьми грешными, – перекрестился купец. – К чему он тебе на суше? Нам же в море буйное опять отправляться. Да и не раз туда еще уходить. Пожалей семьи наши, детишек малых. Животы наши пожалей. Уступи икону, век за тебя Бога молить будем.

– Уступи княже, уступи! Пожалей! Смилуйся! – Корабельщики, оставившие свои дела, один за другим начали опускаться на колени, истово креститься. – Оставь ушкую нашему покровителя небесного, пожалей!

– Вот те раз... – изумленно пробормотал Андрей, никак не ожидавший такого поворота. – Вот и еще одно чудо сотворилось.

Впрочем, ученик волхва знал не только то, что икона в нынешнем ее виде все еще остается просто картинкой на куске доски. Он знал, что чудотворными любые предметы становятся благодаря вере, чувству, молитвам, долготу и искреннему поклонению. Пропитанная добротой и надеждой, намоленная смертными икона рано или поздно действительно станет тем, чем ее считают: чудотворным целительным и спасительным образом, способным стать на пути беды, остановить ее не своей – а той силой, что вложили в него сами люди.

– Веруйте, и воздастся вам по вере вашей, – прикусил губу князь. Мотнул головой, вздохнул: – Не мне перечить высшей воле. Видно, судьба. Пахом! Сумку мне дай.

– Слушаю, Андрей Васильевич! – перебрался на причал дядька. Чересседельная сумка лежала у него на плече. Зверев откинул клапан, достал заветный сверток. Хотел было развернуть – но вдруг передумал и отдал купцу как есть, в войлоке:

– Вот, он ваш!

– Свят, свят! Слава князю! Слава Господу нашему! Вседержителю и промыслу его! – со всех сторон радостно заголосили ушкуйники.

– Благодарствую тебе, Андрей Васильевич, – прижав икону к груди, низко поклонился ему старший Житоложин. – Век помнить будем. По гроб жизни молить. Вот, княже, возьми. Двадцать дублонов тут, как уговаривались.

– С ума сошел? – отшатнулся от протянутого кошель ученик колдуна. – За чудо плату не берут! Ваша икона отныне. И долг за нее на вас. Она вас спасать станет – и вы сирых и слабых помощью своей не забывайте. Как это у вас... у нас... У нас, христиан, принято.

Его оговорки никто не заметил. Кланялись, благодарили, норовили поцеловать руку.

– Все, хватит, хватит! – попятился Зверев. – Вы люди добрые, и пусть море будет к вам добрым. Купец, лошади мои где?

– Вон, княже, коновязь возле часовни каменной, – указал подбородком Житоложин, крепко удерживая в объятиях драгоценный подарок. – Их там всего четыре и есть.

– Бывай тогда, человек торговый, – кивнул ему Андрей. – Бог даст, свидимся.

Холопы уже шли вперед. Проверили подпруги, узду, перекинули через холки сумы со скромными походными припасами. Самого высокого скакуна подвели князю, Пахом придержал стремя.

– Ты бы меня еще подсадил, как старого деда, – беззлобно попрекнул его Андрей, выпрямляясь в седле. – Значит, путь наш через главную площадь должен идти. От моря, через площадь к воротам, и за ними по самой накатанной дороге.

– Послушай, мил человек, – обратился Пахом к какому-то лавочнику в короткой суконной куртке и широкополой треуголке. – Где тут главная площадь у вас?

Тот непонимающе развел руками и поспешил дальше, громко стуча деревянными туфлями. Илья попытался расспросить другого горожанина, но и он только пожал плечами. Здесь, на западном краю континента, в самом дальнем тупике обитаемой земли, вдали от человеческой цивилизации, русской речи не понимал, похоже, вообще никто.

Князь Сакульский поднялся на стремянах, прищурился, вглядываясь в просвет улицы. Там, саженьях в ста, на широкой виселице вяло покачивались несколько мертвых тел.

– По коням, – приказал он. – Я ее нашел. В Европе где виселица стоит, там и главная площадь. За мной!

И он дал шпоры коню.

Без каких-либо сложностей князь с холопами пересек городок и выехал за ворота, охраняемые двумя сонными копейщиками в кирасах и пышных панталонах. От Сантандера узкая и пыльная дорога потянулась вверх, перевалила пологий гребень горы, и море вместе с городом скрылось из глаз.

Путь через Испанию отличался от привычных русских трактов, как небо от земли. В первую очередь, конечно, быстро утомили непрерывные подъемы и спуски извилистой дороги. Вроде бы, и горы вокруг высокими не казались – так, холмики немногим выше обычного, ни снежных шапок, ни крутых отрогов. Однако же прямого участка, пусть даже короткого, князю за весь день встретить не удалось. Странной и неудобной оказалась узость дороги, временами превращающейся в тропу, еле способную пропустить один возок. То и дело холопы цеплялись стремянами и терлись сумками, пока, наконец, не вытянулись в колонну по одному. Зато тракт все время был усыпан каменным щебнем и плотно утрамбован. Случись дождь – не раскис бы, не расчавкался. Правда, из того же щебня были сложены и сами холмы, и долины между ними, им были засыпаны русла ручьев... В общем – все вокруг.

Но самым изумительным оказалось то, что на сем щебеночном покрытии росли леса. Причем довольно густые. Правда – чистенькие, словно подметенные. Под кронами привычных сосен и странных лип с плоскими ветвями не валялось не то что обыденного на Руси валежника, но и даже тонких веточек хвороста. И травы, кстати, тоже – практически не росло.

Андрей, поначалу предполагавший ночевать лагерем, благо везде тепло и сухо, понял, что шансов развести костер и что-нибудь приготовить нет никаких – за полным неимением дров. Князь смирился, что останавливаться придется в постоянных дворах. Или, как их тут называют – в тавернах. Одно хорошо – таких дворов на пути попадалось превеликое множество. Мелкие деревеньки из пяти-шести домов, сложенных из плоских камней без всякого раствора, встречались буквально каждый час, а через два на третий – селения побольше, с часовнями и кабаками. Достаточно большими, чтобы поставить несколько лошадей и приютить пару путешественников.

В отличие от Руси, здешние дворяне жили особняком, в стороне от крепостных. Кто – в суровых, вознесенных на скалы башнях или замках, кто в домах попроще. Отличить их от жилья простолюдин было очень просто: по виселице. Точнее даже – по числу виселиц.

Четыре стояли перед замками. Две или три – возле укрепленных башен. После этого уже нетрудно догадаться, что в одиноком домике, пусть скромном, но с украшенной петлей перекладиной на акации недалеко от входа тоже обитает какой-нибудь идалго, пусть нищий – но все же не простолюдин.

По всей видимости, виселицами объяснялось и то, что крестьян и торговцев навстречу путникам не попалось ни одного – увидев знатного господина, с оружными слугами и с саблех на боку, прохожие предпочитали не просто свернуть с дороги, но и отступить куда подальше, дабы и на глаза не попадаться вовсе. Трактирщики здешние тоже оказались преувеличенно почтительны и подобострастны. Речи князя и холопов не понимали – однако комнаты, в которые Андрей тыкал пальцем, освобождали мгновенно, угощения подавали обильные и вкусные, денег брали столько, сколько дают, и не перечили.

Правда, и сдачу отсчитать тоже ни разу не попытались.

Красивы города здешние или нет, князь Сакульский пока не знал. Те, что встречались на пути, он объезжал, дабы зря не платить за вход, а снаружи все крепости одинаковы: каменные стены из крупных валунов, да башни со смотрящими навстречу друг другу бойницами. А вот редкие каменные мосты сразу привлекли внимание понятной, но забавной особенностью: все они начинались и заканчивались небольшими укреплениями с толстыми стенами, способными укрыть в себе не меньше двух десятков солдат. Бойницы, крыша, зубцы – все честь по чести. В любом из них Зверев с холопами от сотни-другой татар отбил бы запросто.

Накатанный тракт вел его дальше и дальше через горы и перелески, оливковые рощи и до боли знакомые густо-зеленые гороховые поля. О пути князь не спрашивал и просто отсчитывал дни, решив не беспокоиться, пока не минет две недели. И словно по уговору, именно на четырнадцатый день извилистый тракт, перевалив пыльные и жаркие каменистые холмы, внезапно вывел их в просторную и зеленую долину, дохнувшую в лицо приятной прохладой.

Издалека долина показалась разделенной на три неравные части. От подножия серого каменного холма, с которого спускались путники, примерно до середины долины тянулись порезанные на небольшие прямоугольники поля, часть которых густо алела какими-то цветами, а часть – зеленела от густо посаженной капусты, моркови и клубники. За полями по правую руку просторно раскинулся городок, не ограниченный в своем росте никакими стенами. По левую зеленел парк, культурное назначение которого выдавали купола, то тут, то там поднимающиеся из крон, и колоннады, кое-где проглядывающие сквозь зелень.

– Вот и столица, – уверенно кивнул Зверев. – Больше ничего подобного нигде не попадалось. Да и по времени пора.

Лошади, словно почувствовав близкий отдых, сами пустились широкой рысью, всего за четверть часа пронесли остаток пути и перешли на шаг уже в тени городских улиц.

Аранхуэс по виду и архитектуре удивительно напоминал османские города, которые князю Сакульскому довелось разорять в Крыму: высокие стены из грубо колотых камней, дома в два-три этажа с глухими стенами, никак не украшенные ворота, толстая черепица крыш, плотно утопанные немощеные пыльные улицы. Причем улицы на удивление пустынные – ни расспросить кого, ни хотя бы просто поздороваться.

Пару раз вдалеке на перекрестках показывались горожане – путники поворачивали лошадей, пускали их вскачь, но прежде чем успевали настигнуть туземцев, те бесследно исчезали, как сквозь землю проваливались. После нескольких таких погонь Зверев собрался уже было постучаться в первую попавшуюся дверь, как вдруг услышал издалека радостные крики:

– Княже! Княже приехал! Андрей Васильевич!

В этот раз им махали руками люди, одетые в шаровары и длинные белые рубахи, опоясанные кушаками. Князь Сакульский потянул повод, поворачивая к ним, и вскоре узнал своих холопов:

– Степка! Кирьян! Откуда?

– Да на двор ранда нашего гышпанцы постучали, – поймали коня за уздцы запыхавшиеся, но радостные холопы. – Сказывали, иноземцы вида знакомого горожан по улицам гоняют. Саблю кривую углядели – и сразу к нам, жаловаться. Здесь, кроме как у Ермолая Андреевича, таких мечей нет.

– Ну, так показывайте, куда скакать! Чего застыли? – улыбнулся в ответ Зверев.

Холопы провели его назад, почти к самому въезду в город, застучали в ворота на краю не самого опрятного, но длинного забора. Створки поползли в стороны. Князь по русскому обычаю спешился и...

– Отец! Батюшка! Андрей! Отец! – Он и понять ничего не успел, как выбежавшие наружу женщины сжали его в объятиях, покрыли поцелуями, потащили внутрь. Когда после первого жаркого порыва объятия чуть ослабли, Зверев отступил, смог разглядеть среди лиц Полину, привлек, крепко поцеловал в губы, в щеки:

– Как же я соскучился, любимая моя!

Жена молча прижалась к его груди, зарывшись лицом в бороду. Андрей же перевел взгляд на детей и... И вдруг понял, что никого не узнает.

– Великий Боже, как же вы все выросли!

Больше всех изменился сын. Уплывал с матерью и сестрами одиннадцатилетний мальчишка, теперь же перед ним стоял пятнадцатилетний высокий и широкоплечий юнец, которого хоть сегодня в новики записывай! Если к этому добавить темно-коричневый бархатный камзол с пышными рукавами и прострочками желтого шелка, суконные чулки, остроносый берет с пером... Встретить Андрей его на улице – не узнал бы ни за что!

Дочери изменились меньше, да и платья их казались куда привычнее, мало отличаясь от русских одежд. Но все равно – обе заметно прибавили в росте и фигуристости. Стали настоящими женщинами. Причем – весьма привлекательными. Князь только головой покачал, не зная, что сказать.

– Да ты же с дороги, господи! – спохватилась княгиня. – Идем же, идем. Откушаешь, воды вскипятить велю, ванну примешь...

– Ванну? – удивленно вскинул брови князь.

– Прости, батюшка, нет тут ни у кого бань совсем, – развела руками Полина. – Дрова, сказывают, больно дороги. Вот и не ставят.

– Коли бани нет, можно и просто водой полоснуться, – отмахнулся Андрей. – Жара-то какая стоит! Только в удовольствие выйдет.

– Так сейчас, батюшка, – закрутила головой княгиня. – Это дело недолгое. Аккурат, пока на стол накрывают, и успеете... Лукерья! Агафья! Исподнее чистое приготовьте! Вертун, Ждан: бадейки берите, да бегом за водой!

Водой путники ополоснулись за домом, возле небольшого птичника с цесарками. Розовым мылом, пахнущим жасмином и лавандой, смыли с себя пыль и застарелый пот, переоделись в чистое и пошли к столу.

По здешним обычаям, угощение было накрыто не в доме в трапезной, а на улице, под просторным навесом возле бассейна, в котором плавали упитанные карпы с широкими, как у бобра, спинами.

Изнутри дворец испанского гранда выглядел куда роскошнее, нежели снаружи. Дом поверх штукатурки был расписан батальными сценами в духе рыцарей в сверкающих доспехах, храбро поражающих длинными пиками огнедышащих чешуйчатых рыб, зачем-то отравивших короткие толстые лапы. Вдоль всего второго этажа тянулось широкое гульбище –

здесь почему-то называемое балконом. Его поддерживали резные столбы, на них же опиралась и крыша.

Большую часть двора занимали цветочные клумбы и просторный лабиринт из кустарника. Правда, кустарник, при всей его густоте, на высоту поднимался от силы по колено, и потому заблудиться в лабиринте могла разве что забредшая в него ленивая кошка. В нескольких местах над зеленью возвышались скульптуры из белого мрамора. Еще одна, но темно-зеленая, выглядывала из центра выложенного мелкой керамической плиткой бассейна, столь обширного, что, случись осада, воды из него хватило бы полусотне коней на две недели. От бассейна веяло прохладой – в этой прохладе и стоял невысокий помост со столом на полтора десятка человек. Напротив, по другую сторону, тоже была заплетенная плющом беседочка. Но – только на двоих.

– Ну, как ты без нас, батюшка? – участливо спросила княгиня, наполняя вином высокий серебряный кубок. – Ладно ли у нас на стороне? Чем ныне Русь православная живет? Как дома, все ли спокойно? Что в Москве, как государь, чем с басурманами беда завершилась?

– Пока у нас на Руси царь такой, как Иоанн Васильевич правит, так и опасаться нечего, – поднял бокал Зверев. – Побили басурман милостью божьей. Всех начисто вырезали, никто к себе в Османию сбежать не сумел. Надолго теперича дорогу в русские пределы забудут. За государя нашего, за Иоанна!

Вино было красным, густым, чуть сладким и с небольшой горчинкой. Приятное. Отставив кубок, Андрей взялся за целиком запеченную птицу с поджаристой корочкой. Спихватился, поняв, что тарелку с пичугой княгиня придвинула к нему одному. Все остальные вяло раскладывают по тарелкам какое-то странное месиво из гороха, капусты, шкварок и мелких кусочков мяса в густом кровавом соусе с помидорными косточками.

– У вас тоже голодно? – с подозрением спросил он.

– Не беспокойся, батюшка, – замахала руками Полина. – Нет таких печалей. Откель нам знать, что ты сегодня появишься? Оттого к обеду лишь одну цесарку и запекли. Кушай, не беспокойся. Паэлья тоже вкусная и сытная. Ты с дороги, тебе нужнее.

– Если вкусная и сытная, то я тоже хочу, – усмехнулся Андрей, вынимая косарь.

– Спасибо, батюшка, не нужно! – предупредила Арина, невесть откуда взявшимся легким движением поправила выбившийся из-под заменяющей платок легкой вуали локон, и тут же по-детски почесала кончик носа. – Кушай сам, правда. Мы сыты.

– Я что, выгляжу тощим и некормленным? – Привычно порезав птичку на несколько частей, глава семьи разложил ножки и бока не ставшим перечить Ермолаю и Преброне. Княгиня же упреждающе вскинула руку и спросила:

– Так, сказываешь, голодно ныне на Руси?

– Беда странная с погодой, – вздохнул князь Сакульский. – То морозы середь лета ударят, то на Рождество теплынь, трава зеленеет, коров на выпас из стойл смерды выгоняют. А как озимые всходить начали, их – хлоп! – снегом снова и накрыло! Сама понимаешь, все пашни пересевать никаких рук не хватит. Бояре многие сами пахали, родовитость презрев, холопов в поля выводили. В итоге же все их труды заморозком июньским убивает. И так – через два года на третий. Плохо с хлебом, в общем. Капуста родится, она холода не боится. Репа, брюква не пропали. Огурцы, понятное дело, в ямах... Мне легче, мы в своих северах тепла и не ждем никогда, хлеб растим мало. Округ Москвы же совсем беда. Иные бояре, сказывают, столь обнищали, что холопов своих обученных на волю отпускают, ибо прокормить не в силах. На зерно ведь все больше рассчитывают, на хлеб. Пшеница же, известное дело, капризна. Кабы знали наперед про погоду-то, тоже, мысля, капустой могли погреха забить.

– Ужас какой! – разом охнули Полина и Пребрана. Ерема и Арина шептались о чем-то своем.

– Да уж, испытание Господь послал немалое, – перекрестился князь Сакульский. – Однако же с Османской Портой управились, и с неурожаем справимся. Трава растет, сена для скота вдосталь, соленья-квашенья тоже у каждого найдутся. Как-нибудь переживем. Вы про себя лучше расскажите! Как добрались, как устроились? Хоромы, вижу, у вас богатые, однако же хозяина не видать. Чьи они, откуда?

– Жениха моего дом сей, батюшка, – вдруг зарделась Пребрана. – Гранда Альба Карла Фердинанда Игулада-де-Кералья.

– Ого! – охнул Андрей. – Так и называешь: Альба Карла Фердинандом Игулада-де-Кералем? Язык не ломается?

– Карлом зову, – опустила голову девушка и покраснела еще сильнее.

– Не гневись, батюшка, – положила ладонь ему на руку княгиня. – Понимаю я, что непотребно девице незамужней у жениха в доме проживать. Однако же, дворец сей родом грандов Игулада-де-Кераль нам в полную свободу для проживания предоставлен, и посему приличия соблюдены в полной мере. Жених сюда лишь в гости наведается и до темноты завсегда дом покидает. Ой, наконец-то! Дядюшка вернулся!

Полина резко встала, взмахнула рукой:

– Дядюшка, дядюшка, Андрей приехал!!!

Князь Юрий Семенович Друцкий внешне изменился мало. Та же тощая борода, тот же быстрый взгляд, те же постоянно шевелящиеся пальцы. Только чуть похудел, да кожа сморщилась еще сильнее, словно ссохлась, напоминая кору старого дуба. По возрасту он превосходил Андрея уже, поди, вдвое – но по-прежнему был хитер и энергичен, явно принадлежа к тому типу людей, которые живут благодаря молодости душевной, а не телесной.

– Андрей Васильевич! Как же я рад! Заждались, заждались...

Андрей вышел навстречу самому близкому родственнику своей жены, крепко его обнял, и они вместе вернулись под навес, уселись рядом. Княгиня, жестом отогнав прислугу, сама налила им вина.

– За встречу, друг мой! – с улыбкой поднял кубок Юрий Семенович. – Ну, рассказывай князь, рассказывай! Как ныне Москва, как бояре с голодом справляются, отошли ли от сечи великой, много ли земель новых государь победителям нарезал?

– Много, княже, много, – ответил Зверев. – Почитай, на триста верст черту засечную на юг сдвинул. От Рязани и Тулы до самого сердца Дикого Поля, от Оки и аж до Северного Донца⁵.

– А как друг твой, Михайло Воротынский? Цел ли? Живым ли из сечи вышел?

– Не беспокойся, Бог милостив к храбрым, – кивнул Зверев. – Ни одной царапины нет на воеводе.

– Славно, – перекрестился князь. – Имя сего славного витязя даже здесь многих в дрожь бросает.

– Это потому, что они еще не знают про опричного воеводу князя Дмитрия Хворостинина, – злорадно усмехнулся Андрей. – Он тоже один десяти стоит. Именно он сечу при Молодях и начинал, с горсткой детей боярских на орду несчитанную кинувшись. Он себя еще покажет. От одного взгляда нехристи драпать будут.

– Хворостинины – это отрасль князей Ярославских? – прищурившись, моментально сориентировался князь Друцкий. – Которые от Михаила Васильевича Хворостина род ведут?

⁵ По этим местам прошла так называемая Белгородская засечная черта – но к описываемому моменту в освобожденных землях русские воеводы успели срубить только крепости Воронеж, Оскол (ныне – Старый Оскол), Курск, Изюм. Крепости Елец (до того сожженный еще Тамерланом), Валуйки, Белгород – собственно и давший название всей оборонительной линии, были построены полностью только через пятнадцать лет, и об их существовании за пределами России еще никто не подозревал.

Если отец князя Дмитрия Иван, так мы с ним по матери родичи совсем близкие выходим, он мне вроде как внучатый племянник! Славно, славно. А князь Салтыков как, здоров ли?

– В Москве при пожаре угорел, – перекрестился князь Сакульский.

– Жаль, – вздохнул Юрий Семенович. – А я как раз грамотку ему отписать собирался...

Царствие ему небесное... А Шереметевы ныне не в опале?

Князю Друцкому пришлось пересказывать все события последних лет довольно долго и подробно – несмотря на то, что о многом дядюшка и так откуда-то хорошо знал. Пересказывать в мелочах: кто где погиб или возвысился, на кого наложили опалу, кого одарили поместьями, кто на ком женился, кого куда выдали замуж, кто вывел своих сыновей в новики и как отозвался на это Иоанн Васильевич. Причем, когда Зверев признавался, что не в курсе семейных праздников каких-то дальних родственников или не способен точно указать, к какой ветви одной и той же фамилии относится опальный боярин – Юрий Семенович проявлял хорошо различимое неудовольствие – пусть и не выражаемое вслух. Расспросы продлились до сумерек. То есть, не только до ужина, но и позднее, после чего дядюшка в задумчивости удалился, а Андрей оказался вымотан настолько, что даже не догадался в свою очередь расспросить князя Друцкого о его собственных семейных делах.

В покое и тишине Зверев просидел всего несколько минут. Не успел он допить и одного бокала, как под навесом появилась Пребрана, накинувшая на плечи пушистый и белоснежный пуховый платок. Она неуверенно задержалась у края стола, потом бесшумно, словно скользя над полом, дошла до отца, осторожно присела на самый краешек скамьи, опустив взгляд к столешнице. Прошептала:

– Карл говорит, коли венчаться станем, я веру свою должна сменить.

– Вот как? – Андрей ощутил, как его губы расплзаются в невольную улыбку. – И это все, что тебя волнует?

– Но ведь от веры православной отречься надобно! – недоуменно вскинула голову девушка.

– Я думал, ты кричать станешь: нелюб он мне! Страшен, противен! Не хочу, не буду! Лучше в монастырь! – откинувшись на столб за спиной, допил вино князь. – А ты говоришь то, что с обрядом венчания нелады. Остальное все, стало быть, по душе?

Пребрана зарделась и снова потупила взгляд. Андрей вздохнул:

– Верует ли жених твой в Господа нашего, Иисуса Христа?

– Верует, – согласилась девушка. – Токмо они ведь схизматики. Католики то есть. Крестятся они неправильно.

– Тебя тревожит, что твой жених неправильно крестится? – вернул кубок на стол князь Сакульский. – Это так опасно?

– Странные ты речи ведешь, батюшка, – покосилась на него Пребрана. – Ровно и разницы меж верами нашими нет никакой.

– Есть! – немедленно согласился Зверев. – Только не помню, какая... Не подскажешь?

– Filioque, – со странным акцентом тут же ответила дочь. – Вопреки постановлениям Второго и Третьего Вселенского Собора католики ввели в восьмой член Символа Веры добавление об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына.

– Ох ты ж ёкарный бабай, – аж крикнул от резанувшей ухо казенщины Андрей. Где она этого только нахваталась? – Ох уж эти еретики! То есть, теперь Господу нашему Иисусу Христу они больше не молятся?

– Молятся. Но они говорят, что благодать Божья не токмо от Бога-Отца, но и от Бога-Сына исходит.

Похоже, получившая в детстве хорошее монастырское образование Полина не преминула поделиться знанием с детьми.

– Ужас, – притворно охнул князь Сакульский. – Они оскорбили Иисуса?

– Наоборот, – загорячилась девушка, – они возвысили его до Бога-Отца!

– А разве Бог не триедин?

– Но благодать-то, дух святой даруется токмо Богом-Отцом, но не земным воплощением!

– Земное воплощение – это Иисус? – уточнил Андрей. – И значит, ему молиться не след?

– Иисус это тоже Бог, он искупление за грехи наши на себя принял! Как же ты этого не понимаешь?!

– Во многом знание многие печали, – пожал плечами князь. – Если хочешь найти различия, то ты их обязательно найдешь. Если бы мне довелось вести своих холопов на штурм этого городка, то поверь, милая, я привел бы им куда больше доводов о различиях наших вер, нежели ты способна придумать. Если же мне пришлось бы оборонять его вместе с грандом Игулада-де-Кералем, я бы просто сказал, что мы помогаем нашим братьям-христианам. Было бы желание – а нужный ответ всегда можно обосновать легко и быстро. Поэтому, милая, давай вернемся к самому началу. Возможно, между поклонением Господу нашему Иисусу Христу и Господу нашему Иисусу Христу есть настолько страшная и непреодолимая катастрофа, бездонная пропасть, что ее и вправду невозможно преодолеть. Скажи мне, доченька, ты действительно хочешь добыть истину и ужаснуться этой разнице? Или, может статься, они просто крестятся неправильно, да и все?

– Но ведь это будет обман... – шепотом сказала Пребрана.

– Кого? Надеюсь, ты не думаешь, что можно обмануть Бога? Что для Бога правильное движение руки важнее искренности твоих молитв или праведности твоих поступков? Насколько я помню, среди его заветов есть «не убий, не укради, не прелюбодействуй», но нет ничего о форме крестов, высоте шпилей или количестве пальцев для правильного знамения... Хотя, конечно, если кто-то, кого я еще не видел, страшен, как болотный леший, и вызывает у тебя отвращение – мы можем обсудить важность этих тонкостей в богослужениях.

Девушка прикусила губу. Мотнула головой. Наклонилась и быстро поцеловала Андрея в щеку:

– Спасибо, папа... – вскочила и убежала.

– Надеюсь, это не звучало, как благословение?! – попытался окликнуть ее Зверев. – Я ведь его еще даже не видел!!!

Однако Пребрана его не услышала. Князь Сакульский пожал плечами и налил себе еще вина. Его долгое, почти месячное путешествие в неизвестность наконец-то закончилось. И мысль о том, что уже никуда не нужно скакать, торопиться, задумываться о ночлеге и раннем подъеме для нового перехода, все еще никак не могла уложиться в его сознании. Чистое южное небо перемигивалось звездами, в бассейне неслышно передвигались упитанные тени, на зеленую мраморную голову слетались белые бабочки с длинными пушистыми усиками. Кто-то вкрадчиво шуршал в лабиринте – видимо, ленивая кошка для него все-таки нашлась.

На плечи неожиданно легли ладони:

– Ты спать-то собираешься, батюшка?

Князь склонил голову, коснулся щекой ее руки:

– Я чуть не забыл, как звучит твой голос, Полюшка моя. Надеюсь, теперь мы больше уже не расстанемся. Никогда.

– Если никогда, тогда пойдем, – взяла его за запястья жена и повела за собой.

Гранд Альба Карл Фердинанд Игулада-де-Кераль

Утром князь и княгиня провели в постели времени намного дольше обычного, и когда вышли на воздух – их встретила неожиданная изнуряющая жара.

– Как у них только клубника растет в таком пекле, – удивился Зверев, отступая обратно в тень гульбища. – Давно завялиться вся должна.

– Сейчас еще ничего, не так знойно. Бывает, так и не выйти на свет вовсе, – ответила Полина. – Дети, вон, токмо по вечерней прохладе гуляют.

– Гуляют? – заинтересовался Зверев. – Интересно, где, куда?

– Знакомцев завели немало. Чай, дело молодое, – расслабленно отмахнулась княгиня. – Пребрана с женихом прогуливалась, Ерема с Ариной тоже не раз с ними выходили. У Карла здесь родичей и знакомых в достатке, через него со многими сошлись, на балах много раз бывали, на охоту выезжали, на купание, в иные места.

– В «иные» – это куда? – еще больше заинтересовался Зверев.

– Четы королевской ныне в Аранхуэсе нет, – спокойно объяснила Полина. – Король Филипп выразил недовольство теснотой здешнего замка и повелел его перестроить. Второй год строители стараются, а его величество лишь дважды изволил побывать, дабы осмотреть, как они работают. Посему приемов в здешнем королевском дворце теперь нет, однако же в парк знатных особ пропускают невозбранно. Здесь преизрядно летних домов у самых достойных родов. Пусть без короля в городе не так многолюдно, но есть с кем повеселиться. Опять же, до Толедо всего день пути на рысях. На королевский бал, коли поутру отправиться, легко можно поспеть. И на королевскую охоту по приглашению вовремя явиться. Нет-нет, не смотри так на меня, батюшка! Все приличия наши дочери соблюдают. Коли где и веселятся, то токмо в присутствии брата своего или моем, да и я сама на балах лишь в сопровождении дядюшки, родича моего старшего, появляюсь. На купание же, али охоту и вовсе не езжу. И с женихом наедине Пребрана никогда не остается. Не беспокойся.

– Все равно как-то буйно слишком все это выглядит, – передернул плечами Зверев.

– Нравы здешние несколько от наших отличаются, батюшка. Хотя и дики, но не хочется белыми воронами казаться. Ты не думай, скромность и целомудрие гышпанцы чтут не меньше нашего. Но коли девушка скромная с родственниками гуляет, али в иные места на люди выходит, то пошуметь, повеселиться, поговорить с кем, даже танец провести ей не укоризну.

– Танцы?! – изумился Зверев, уже давно подзабывший это слово среди величавых хоро-
водов и скоморошских присядок.

– Ты не гневайся, ты на них взгляни хоть раз поначалу, – опять испугалась супруга. – Это всего лишь basse danse, или estampie, королевская павана. Они вполне благочинны и пристойны. Не допускают никаких вольностей.

– Если ты говоришь, что пристойны, – кашлянул Андрей, – стало быть, так оно и есть. Не сомневаюсь.

Знала бы милая, чудесная воспитанница монастыря, с кем разговаривает, и каковы танцы были в детстве ее супруга! Зверев кашлянул еще раз и мотнул головой:

– Вина!

– Лукерья, вина князю немедля! – потребовала княгиня и зачем-то добавила: – Разбавленного! Ты не беспокойся, княже, это не лихоманка, это воздух тут такой, сухой больно. А хочешь, пойдем с тобой у реки погуляем? Хворь как рукой снимет!

Князь Сакульский еще немного прокашлялся и согласно кивнул:

– Пошли.

Но отправиться на реку они не успели. По лестнице, ведущей с гульбища вниз, дробно простучали пятки, и рядом возник веселый князь Друцкий в замшевом коричневом колете и пухлом берете того же цвета, низко поклонился, изобразив что-то рукой на здешний манер:

– А я слышу, голоса доносятся. От и помыслил, что голубки это наши наконец-то проголодались и объятия свои разжать решили. Так и знал, так и знал. Оттого и повелел приготовить легкий херес и гаспаччо⁶, которое снимет легкий голод, но неотяжелит живот, оставив силы для новых деяний, – дядюшка весело подмигнул. Наверное – понимающе, но получилось у старика как-то неестественно. – Полюшка, подгони холопок своих, все уже приготовлено, в погребе остывает. Пусть несут.

– Да, дядюшка, сейчас, – согласно кивнула княгиня, отошла в дом, а Юрий Семенович тут же поймал Зверева за локоть, торопливо прошептал:

– Совсем забыл предупредить тебя, княже! Коли примчится гранд де Кераль и заторопятся они с Пребраной твоей благословения просить, ты его сразу не давай. Сошлись на усталость. Скажи, подумать надобно...

– Это так срочно? – не понял Андрей.

– Ай, – отмахнулся князь. – По два, по три раза на неделе прилетает сорванец юный. Кабы не приличия, так и вовсе у ее ног бы поселился. Взбалмошные они все, гышпанцы эти. Видать, голова на солнце перегревается постоянно. Эвон как припекает.

– Постой, Юрий Семенович, – окончательно запутался Зверев. – Ты же сам обо всем сговаривался? Сладил все чин по чину еще сколько лет тому, обговорил все до мелочи. Что же тогда ныне крутишь?

– Да есть опаска у меня, княже, – оглянулся в сторону дома Юрий Семенович. – Не хотел племянницу сим раньше времени беспокоить.

– Это как-то связано с объявлением войны одним из грандов испанской короне?

– Ты знаешь? – изумился князь Друцкий. И тут же сообразил: – Ну конечно же, барон Тюрго! Столь занимательная история не могла пройти мимо его ушей. Он же тебе благоволит и, мыслю, готов помогать без всякой корысти, коли это не повредит интересам его крохотной Швеции.

– Так это был Карл де Кераль?

– Его отец, – со вздохом признал Юрий Семенович. – Пока гранд чудил, его величество к сему относился снисходительно. Когда же смех иссяк, излишне непокорный дворянин стал казаться ему подозрительным. Мы же не хотим передать Пребрану в семью опальных? Ныне...

Князь запнулся, услышав шаги – однако это была всего лишь прислуга, выносящая блюда, кувшины и посуду, и Юрий Семенович закончил:

– Ныне я проведать пытаюсь, сколь глубоко недовольство короля и как далеко оно способно зайти, нет ли надежды на милость. Все же дети явно приглянулись друг другу и не хотелось бы столь грубо рушить их надежды. Но коли Филипп окажется непреклонен, род грандов де Кераль окажется нам совсем не ровней. И в таком... О, наконец-то, Полинушка! А мы тебя уже заждались. Идемте к столу, идемте.

– А дети где? – оглянулся Андрей.

– Соскучились они, соскучились, – утешил дядюшка. – Да токмо дело молодое... Как дома усидишь, коли столько веселья вокруг?

Андрей перевел взгляд на жену.

– Еремушка с ними. В обиду не даст, непотребства не допустит, – тут же напомнила Полина. – Да и сами, может статься, встретим. Наверняка у воды дети. Вон как жарко ныне опять...

⁶ Испанский овощной суп.

За завтраком темы для разговора не нашлось. Андрей думал над словами дядюшки и вспоминал вчерашний разговор с Пребраной – но Полину тревожить не хотел. Князь Друцкий тоже поглядывал на племянницу и молчал.

Поев, Зверев переоделся, опоясавшись саблей прямо поверх шелковой сорочки и накинув на плечи плащ – больше от солнца, чем от холода. В голове крутилась мысль, что носить броню в таком климате – самоубийство. Коли не убьют в первый же час – сам запечешься, словно рак в собственной скорлупе.

К счастью, королевский парк находился от дворца грандов де Кераль всего в получасе ходьбы, и вскоре супруги оказались в тени могучих лип и кленов. Здесь действительно было очень красиво: ухоженные широкие дорожки, живые изгороди, пруды и каналы, обложенные благородным ломаным камнем, решетки с вазонами на каждом столбе, много фонтанов – пусть и неработающих, но демонстрирующих хороший вкус королевской четы. Ведь каждый был украшен скульптурой Бахуса, Афины, Медузы, Геракла или иного античного героя. К тому же, в чашах фонтанов сохранялась чистая прозрачная вода, и Зверев чуть не из каждой отирал влагой лицо и гладко выбритую по русскому обычаю голову.

К дворцу они не пошли – оттуда доносились звуки стройки: крики, стуки, скрип, поднималась пыль. Вот только пылью дышать в такую жару не хватало! В других же краях сада не то что своих детей – вообще гуляющих не встретили. Вернулись домой к обеду – и там вдруг оказались среди шума и веселья! Под навесом стол стоял накрытый, причем в основном бутылками и кубками, вокруг него несколько молодых людей с завязанными глазами пытались поймать каких-то девушек – но, само собой, все время захватывали только друг друга. Еще один ухарь пытался пройти через лабиринт. Причем тоже – с завязанными глазами, следуя лишь командам одетой в легкое сатиновое платье Арины. Правда, юбка у платья была довольно пышной и скрывала ноги до пят. Но зато лиф почти полностью открывал грудь.

– Ермолай! А вот тебе глаза завязывать не следовало! – громко посетовал князь Сакульский.

– Батюшка?! – Один из кавалеров, играющих под навесом, метнулся из стороны в сторону, оступился и шумно рухнул прямо в бассейн. Только там он догадался сдернуть повязку, вскочил, оказавшись в воде по грудь. Остальные гости тоже засуетились, снимая повязки, оправляясь, подбирая и нахлобучивая на голову береты и шляпы. Девушки попытались незаметно убрать бутылки, пряча их вниз и прикрывая юбками. На столе оставались вазы с фруктами и множество кубков. Видимо, родителям следовало догадаться, что в них давили сок.

– Батюшка, батюшка! – От дома подбежала Пребрана, ведя за руку раскрасневшегося паренька. – Батюшка, прости, не уследили. Батюшка, это он. Хочу представить тебе гранда Альба Карла Фердинанда Игулада-де-Кералья. Прости, это должен был сделать дядюшка Юрий Семенович, но он, вестимо, в отъезде. А Карл, узнав о твоём приезде, так торопился представиться, что... Его не оказалось дома.

Гышпанец, поняв, что говорят о нем, чуть присел, склонился, отработанным жестом попытался поймать край головного убора – но, как и прочие гости, оказался простоволосым. Тем не менее, гранд не смутился, быстро и изящно изобразил рукой несколько уважительных движений, выпрямился, вернув руку к груди.

– И тебе не хворать. – Князь поклонился в ответ: спокойно и с достоинством, в подбородок и без циркачества.

От навеса снова послышался громкий плеск: Ерема, попытавшись вылезти, соскользнул с мокрого камня, ограждающего бассейн, и бухнулся назад.

Гранд де Кераль о чем-то быстро заговорил, кивая и улыбаясь.

– Он очень счастлив тебя видеть, батюшка, – пояснила Пребрана, явно пытаясь перевести. – Он выражает тебе всяческое уважение и восхищение. Еще он меня очень хвалит... – Она зарделась.

– Так он тобой или мной восхищается? – скривился Зверев.

– Ты не прав, батюшка, – мотнула головой девушка. – Гышпанцы о твоих подвигах зело наслышаны. И про набег на сарацин с казаками, и про сечу под Казанью, про мудрость твою огненную. Про поход Литовский.

– Гышпанцы знают про мой поход против ордена крестоносцев? Очень, очень должно быть, добрые у них обо мне отзывы.

Молодые люди перекинулись несколькими словами, и гранд де Кераль снова поклонился.

– Карл говорит, что доблесть и отвага достойны уважения даже у врага. Но ты сражался супротив сарацин куда чаще, нежели против воинства христово. Они считают тебя достойным и важным союзником.

Подбежавший молодой дворянин сунул в руку гранда шляпу с распушенным петушиным пером. Де Кераль надел ее и чуть приосанился, слегка отведя ногу.

Паренек Андрею понравился. Чем-то напоминал он горноста: остролицый, остроносый, темноглазый, поджарый и игривый. Подрастет – заматерееет, какие его годы. Веселость пропадет, когда ответственность на плечи свалится. Кто в детстве оболтусом не был? Храбрые витязи, что на Молодах, под Казанью или Юрьевым насмерть стояли, живота не жалея, тоже когда-то и юбки девкам дворовым задирали, и медом хмельным в стогах баловались, и от монастырской грамоты на Ивану Купалу из окон сбегали. Однако же, когда Русь на поле ратное призвала – не осрамились ни разу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.